

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Э. ЗОЛЯ С РУССКИМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ

Публикация М. Клемана

I

В начале 1872 г., в ближайшие месяцы по выходе в свет двух начальных томов «Ругон-Маккаров», Эмиль Золя познакомился с И. С. Тургеневым. Случайная встреча (вероятно, у Г. Флобера, при одном из наездов его в Париж) повела к сближению и установлению долголетних дружеских отношений. Прокладывая путь «натуралистическому» роману, Золя, естественно, тяготел к старшим реалистам Г. Флоберу и Э. Гонкуру, к интимному кружку которых примкнул Тургенев со времени своего окончательного обоснования в Париже. Но Э. Золя привлекала в Тургеневе не только утвердившаяся за автором «Дыма» репутация одного из столпов европейского реализма.

С летних месяцев того же 1872 г., в котором завязалось знакомство обоих романистов, началось усвоение произведений Э. Золя русской читательской аудиторией. Живую информацию о появлении в России сначала пространных пересказов, а затем полных переводов романов цикла «Ругон-Маккары» и об оживленном обсуждении их в критической литературе французский писатель мог получать от Тургенева. Внезапный и блестящий успех в среде русских читателей привлек тем больший интерес Э. Золя, что у себя на родине на первых порах он особого внимания не завоевал. Знакомство с авторитетным русским романистом намечало возможности установления непосредственной связи с сочувственными русскими читательскими и издательскими кругами, сближение с которыми открывало неожиданные перспективы. Несомненно, что это обстоятельство служило одним из мотивов, по которым Золя, обычно замыкавшийся в тесном приятельском кругу, дорожил дружескими отношениями со своим новым знакомцем.

Во время долголетнего пребывания за границей Тургеневу часто приходилось выступать посредником между русской и западно-европейской литературой. Особо значительную роль сыграло его посредничество в истории русских отношений Э. Золя, личные связи которого с русскими деятелями устанавливались почти исключительно через Тургенева.

Весной 1874 г., перед отъездом из Парижа в Россию, Тургенев взял на себя, по просьбе Э. Золя, переговоры с петербургскими издателями о переводе романа «Завоевание Плассана». Полномочия Тургенева были при этом засвидетельствованы особой доверенностью, черновик которой, на французском языке, сохранился в архиве Э. Золя.

Перевод:

Я, нижеподписавшийся (уполномочиваю г. Ивана Тургенева), заявляю о передаче г. Ивану Тургеневу всех полномочий в отношении авторских

прав на переводы моих произведений на русский язык. Вместе с тем я уполномочиваю г. Тургенева вступать в переговоры с переводчиками и издателями и заключать соглашения¹.

Переговоры по поводу «Завоевания Плассана» не привели ни к каким положительным результатам,—они были начаты слишком поздно, уже после выхода отдельного французского издания романа, когда для перевода его не требовалось больше авторской санкции. Но в ходе переговоров Тургенев условился с М. М. Стасюлевичем, что следующий том «Ругон-Маккаров»—«Проступок аббата Муре» будет доставлен в редакцию «Вестника Европы» в корректурных гранках и появится в журнале на правах перевода с рукописи. Соглашение было закреплено, и «Проступок аббата Муре», равно как и следующий роман «Его превосходительство Эжен Ругон», были напечатаны в «Вестнике Европы» (1875 г., кн. 1—3; 1876 г., кн. 1—4) до выхода в оригинале.

В начале 1875 г. Тургенев вступил в переписку с М. М. Стасюлевичем относительно постоянного сотрудничества Э. Золя в «Вестнике Европы» на амплуа парижского корреспондента. Посредничество Тургенева оказалось и на этот раз плодотворным. В мартовской книжке журнала появилось первое «Парижское письмо» Э. Золя «Новый академик. Прием А. Дюма-сына во Французскую академию», а с майского номера началось регулярное ежемесячное печатание корреспонденций, продолжавшееся в течение шести лет, по 1880 г. включительно. В «Вестнике Европы» были напечатаны 64 статьи Э. Золя, наиболее существенную часть которых составляли критические очерки. В них была впервые в беседах с русскими читателями развита и аргументирована «теория научного романа», теория «натурализма», с пропагандой которой ее автор выступил перед французской аудиторией несколькими годами позднее. Сотрудничество Э. Золя в «Вестнике Европы»—это не только страничка из истории русской журналистики, свидетельствующая о большой популярности в России автора «Ругон-Маккаров», но и один из значительнейших эпизодов журнальной деятельности французского романиста. О работе в крупнейшем органе русской либерально-буржуазной печати Золя неоднократно вспоминал с чувством признательности. В предисловии к сборнику «Экспериментальный роман», составленному наполовину из работ, прошедших через «Вестник Европы», он писал:

«В ужасные часы материального стеснения и отчаяния Россия возвратила мне мою веру и силу, предоставив трибуну и самую ученую, самую страстную аудиторию. Благодаря ей я стал в критике тем, чем я сейчас являюсь. Я не могу говорить об этом без волнения и сохраняю постоянную благодарность».

Популярность Э. Золя в России в середине семидесятых годов была настолько значительна, что петербургские корреспонденты Тургенева положительно осаждали его запросами о французском романисте. П. Д. Боборыкин, готовясь к публичным чтениям «Реального романа во Франции» (чтения состоялись в Петербурге, в марте 1876 г.), обратился за биографическими данными об авторе «Ругон-Маккаров» к Тургеневу и при его посредстве связался лично с Э. Золя, большое автобиографическое письмо которого включил в текст своих лекций².

Публикуемые ниже два письма к Тургеневу Вл. В. Стасова и А. С. Суворина относятся ко времени сотрудничества Э. Золя в «Вестнике Европы»

и иллюстрируют интерес к его корреспонденциям в русских читательских и редакционных кругах.

30 марта 1875 г., всего через несколько недель после появления первой, пробной корреспонденции Э. Золя, Вл. В. Стасов обратился к И. С. Тургеневу с пространным письмом.

СПБ., Надежд[инская], д. Трофимова
30 марта 1875 г.

Иван Сергеевич, угодно вам оказать мне некоторую услугу? Если да, то вот о чем я попросил бы: спросите пожалуйста Золя, которого наверное видаете (а я даже адреса его не знаю), хочет он завести со мною

попросить Золя
Ант. Михайлович
Энгельгардт
на предмет
объезд. Тургенев
С. П. Стасов
1876

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

Фотография с дарственной надписью Тургенева А. Н. Энгельгардт, 1876 г.

Литературный музей, Москва

небольшую переписку о делах художественных? Быть может вы припомните, еще в прошлом году я рассказывал вам, как высоко ставлю его книжечку критических этюдов под заглавием «Mes haïnes» и его брошюру о Манё, даром что кое с чем там и не согласен, а теперь, после его великолепного письма в «Вестнике Европы» про Дюма-фиса и еще более убедился, что он просто самый лучший художественный критик последнего времени. Никто из немцев (мне очень твердо известных) не может сравниться с ним, а Тэн, хоть и блестящ, но близорук, мелок и ограничен. Если бы это дело, которое я считаю для себя очень важным, удалось, я даже подумываю нынче летом приехать в Париж, месяца на 2, напр. на авг. и июль—так мне хотелось бы перетолковать с Золя о том и сём. Я теперь пишу одну большую книгу художественной критики и, признаться, никого почти не нахожу, с кем можно и стоило бы поговорить до корней дела. Есть, правда, один русский художник, вы-

ходящий из ряду вон по глубине и силе мысли, да и тот, пожалуй, не выдержит и сдаст, когда все умеренные и ретрограды, консерваторы и благоразумники залают. Итак, вот моя просьба—что знаете, то с нею и сделайте. Позвольте надеяться на ответ от вас. А *propos de Zola*, скажу вам, что, несмотря на всеобщую, даже н е о б ы к н о в е н н у ю любовь всех у нас к Zola, почти все остались недовольны последним его романом «*La faute de l'abbé Mouret*». Может быть, никто на свете так не любит и не ценит этого автора, как я—на мои глаза он решительно выше всех нынешних романистов (кроме Виктора Гюгò)—на мои глаза, ни у кого нет такого с о д е р ж а н и я, как у него, это именно литература нашего века—и несмотря на все это, я читал новый его роман с досадой и скукой, принужден был пропускать по 5, по 10 страниц (не то что русского, а ф р а н ц у з с к о г о текста, в корректурных листах), до того несносны и приторны все эти амуры и самобичевания, сентиментальные, неестественные и невероятные. Если и могут быть такие уроды, как этот аббат, то чорт бы их всех побрал, нет нам до них ни малейшего дела. Это что-то стариной и затхлым несет! И эти глупости способна писать та самая рука, которая написала «*Ventre de Paris*», «*La fortune des Rougon*» и «*La Curée*». Просто непостижимо. Конечно, талант был виден даже и в Аббате Мурè, на лицах второстепенных, каковы без исключения крестьяне и крестьянки, но этот Мурè, но эта *Albine*—что это за невообразимая чепуха и неправда! Что это за идеальничанье безмозглое и безвкусное, и у кого? У самого что ни есть могучего романиста и мыслителя! Я так был рад, что тотчас же после этого плохого романа прочитал чудесное его письмо о приеме Дюма в Академию—а то я уже было подумал: Ну, и еще падение! Ну, и еще провалился, не проделав даже и полдороги своей! Теперь я снова смотрю на Zola с надеждой и ожиданием...

В. Стасов

На восторженное обращение быстро приходившего в энтузиазм художественного критика, опубликовавшего незадолго перед тем в еженедельнике «Пчела» выдержки из обращенных к нему лично писем И. А. Репина, Тургенев отвечал в очень сдержанном тоне. Согласившись выполнить просьбу Вл. В. Стасова и снестись с Э. Золя, Тургенев выражал сомнение в успехе переговоров: «Работая с утра до вечера как вол, он [Золя] едва ли сводит концы с концами—и на безденежную корреспонденцию тратить время не станет. Если вы точно собираетесь в Париж, то вот вам самый удобный случай переговорить с ним»³.

Весной следующего 1876 г. обратился к Тургеневу с большим письмом А. С. Суворин, занятый подбором сотрудников для только что приобретенного и реформируемого им «Нового Времени». Тургенев предлагал Суворину приобрести для газеты право перевода с рукописи романа Э. Золя «Западня», публикация которого началась в фельетонах парижской газеты «*Vien public*». Не считая возможным принять это предложение, Суворин писал:

28 марта 1876 г.

Многоуважаемый Иван Сергеевич, очень вам благодарен за ваше желание помочь «Новому Времени», но вы плохо рассчитали на почту: я получил ваше письмо только сегодня, заштемпелеванное вчерашним числом. Пошли я сегодня телеграмму, вы не могли бы мне выслать начало

романа ранее 11-го нов. стиля, получил бы его я около 15-го, в страстную субботу; дня три газеты не выходят, а в это время получится «*Bien public*» с романом: мы не могли бы предупредить другие газеты ни на один день, а если б и предупредили, то разве дня на два—на три. При необходимости помещать обязательные фельетоны в известные дни, и это предупреждение ни к чему бы не послужило, так как другие газеты, по всей вероятности, станут печатать извлечение из романа. Я бы ни одной минуты не колебался, если б мне предложили роман, напр., за месяц до появления его в «*Bien public*», и на будущее время я был бы очень рад пойти на такие условия, хоть признаюсь вам, я вовсе не так высоко ставлю Золя, как некоторые наши критики, как юный критик «Нового Времени»—Венгеров (ему 20 лет). У Золя столько тела и жиру, что души совсем не видать, а ведь она же есть; его описанья иногда больше претензий в себе заключают, чем настоящих художественных красок. Публика, впрочем, бросается на него и на то, что он похвалит, а он все делает открытия великих романистов, вроде братьев Гонкур и Додэ, который больше обладает лирическим чувством, чем художественным, и который в маленьких вещах, по-моему, лучше, чем в больших. Это какая-то смесь Клареси и Золя. Мне вообще досадно, что Золя потчует русскую публику французскими реалистами, точно у нас своих нет, точно у нас нет вас, Толстого, Достоевского, Гончарова, даже Писемского. Додэ—это Левитов, но Левитов спился у нас и погиб, а во Франции из него выработался бы талант недюжинный.

Я все бьюсь из [за] порядочного корреспондента для Франции. Писал Валесу, он запросил по франку за строчку, Ранк—тоже запросил такую сумму, какую я не могу заплатить при настоящих условиях газеты, которая при всем успехе своем не может платить больших денег, а успех этот неожиданный—мы имеем 1 500 подписчиков в течение одного месяца и больше 2 000 отдельной продажи. «Голос» продается в числе 1 500 экз., но газета стоит в месяц больше 8 000 р. Отдельную продажу нам запретили на-днях по настоянию Толстого, который написал Тимашеву, что он управлять министерством не может, если будут появляться корреспонденции, подобные новгородской (№ 17 «Нов. Вр.»), написанной Шашковым; Григорьеву приходится защищать нас; 3-е отделение шлет доносы на «Новое Время»; я получил очерк от Салтыкова—Григорьев советует подождать с ним. Иной раз просто голову теряешь, как поступать, что можно и чего нельзя. Цензурен ли роман Золя? Это тоже вопрос. Если он цензурен, я предложил бы вот что: будь у меня корректура его, номеров за 5 вперед, так что мы могли бы делать большие извлечения, предупреждая другие газеты, я охотно заплатил бы рублей 100. Но еще лучше было бы, если б Золя согласился иногда писать в газету, раза два в месяц, о чем хочет, хотя бы свои *contes*. Если бы вы ему предложили это от моего имени, я был бы вам очень благодарен. Не знаете ли вы, где живет Сахер-Мазох и можно ли с ним вступить в соглашение относительно одновременного печатания его вещей по-русски и по-немецки. Этот барин мне очень нравится, хоть его напрасно сравнивают с вами—у него колорит яркий, но краски грубоватые, и слишком уж он наваливает их на одно место—это Маккарт, но погрубее.

Я помню ваше обещание, Иван Сергеевич, и рассчитываю на него. Поддержка нам крайне необходима. Вы не поверите, какая бедность сил, какая бедность даже в грамотных людях. Невежество непроходимое,

сплошное. Молодежь лезет ко мне, но что это за произведения — все фельетон и фельетон жалкий, жидкий, с оттенком того, что скажет ему последняя книга. Венгеров ужасно юн, у него есть бойкость, но какая-то сухая, с ним приходится спорить о пустяках. Буренина взять мне не позволяют: 3-е отд[еление] доложило государю, что я пригласил его, Де-Роберти и Арсеньева—эту бумагу мне показывали в главном управлении, и мне пришлось отрещиваться от двух первых и защищать последнего. В литературном отделе 3-го отд[еления] сидит Сушков, брат редактора Прав. Вестн., идиот, написавший когда-то «Судеб. опись», и строчит доносы, в которых слова правды нет. Между тем Буренин стал писать в «СПБ. Вед.» под псевдонимом Рюрик—и ничего. Живешь в этой поганой каше и только обмазываешься ею.

Дай вам бог здоровья.

ваш от всего сердца А. Суворин⁴

Предложение работать в «Новом Времени» не было ни первым, ни единственным приглашением к сотрудничеству, полученным Э. Золя от редакторов русских периодических органов. Почти одновременно с А. С. Сувориным, всего несколькими днями ранее, с аналогичным предложением обратился к нему Ф. П. Баймаков, издатель «С.-Петербургских Ведомостей». Предложение это было быстро отвергнуто. Осведомленный о намерениях Ф. П. Баймакова, М. М. Стасюлевич заблаговременно выразил через И. С. Тургенева Э. Золя решительный протест, с которым автору «Парижских писем» пришлось посчитаться. 16 марта н. ст. 1876 г. Тургенев заверял встревоженного М. М. Стасюлевича: «С Э. Золя я виделся лично. Я его предупредил на счет запроса Баймакова—и он объявил мне, что он ни в коем случае корреспонденции на себя не возьмет и ответит решительным отказом»⁵. Более длительный характер имели переговоры о сотрудничестве Э. Золя в «Отечественных Записках», шедшие одновременно с перепиской о его работе в «Новом Времени».

Мысль о привлечении французского писателя к участию в «Отечественных Записках» возникла еще в конце 1875 г., во время пребывания за границей М. Е. Салтыкова. В апреле 1876 г., возвращаясь из Ниццы, русский сатирик лично познакомился с Э. Золя, а переговоры о привлечении его к работе в «Отечественных Записках» вел с Тургеневым в Бадене и в С.-Петербурге в мае того же года. Предложения редакции журнала сводились к тому, чтобы Золя, продолжая свои письма в «Вестнике Европы», давал ежегодно на заданные темы четыре больших статьи (от 2 до 3 листов) в «Отечественные Записки»⁶. Окончательного ответа М. Е. Салтыкову Золя, склонный принять это предложение, долгое время не давал, так как считал, во-первых, необходимым получить согласие М. М. Стасюлевича, а во-вторых, продолжал вести переговоры с проявлявшим большую настойчивость редактором «Нового Времени».

Первое приглашение к работе в этом издании, переданное через Тургенева (в приведенном выше письме), было отвергнуто. Тургенев извещал А. С. Суворина 9 апреля н. ст. 1876 г.: «Я говорил ему [Э. Золя] о вашем предложении (на счет участия в «Новом Времени» два раза в месяц), но у него так много работы теперь на руках (он между прочим стал театральным рецензентом в «*Vien public*»), что и от этого предложения он принужден теперь отказаться, хотя благодарит за доверие и будет иметь в виду»⁷. Осенью 1876 г. А. С. Суворин возобновил свое приглашение,

ОБЛОЖКА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ
„ПАРИЖСКИХ ПИСЕМ“ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ, 1878 г.

вступив в переговоры с Э. Золя через В. И. Лихачева, сотрудника «Нового Времени», находившегося в это время в Париже. Однако, к этому времени французский писатель, по настояниям М. М. Стасюлевича, твердо решил отказаться от работы в каком-либо русском издании, помимо «Вестника Европы». Об этом осведомлял М. Е. Салтыкова Тургенев в письме из Парижа от 17 сентября н. ст. 1876 г.: «Кстати о Золя. Я видел Лихачева и знаю, что он был отражен с уроном. Но мое „непреоборимое“ усердие тут ни при чем. Дело в том, что Стасюлевич, в последний свой приезд в Париж, познакомившись с Золя, озолотил его сверху донизу,—но с тем условием, чтобы Золя уже весь принадлежал ему. „Вестник Европы“, вследствие этого, представляется Золя той сказочной route aux ceufs d'or, которую нужно беречь, как зеницу ока»⁸.

П. Д. Боборыкин, вербовавший во время поездки в Париж летом 1878 г. сотрудников для журнала «Слово», рассказывает под впечатлением личного знакомства и бесед с автором «Ругон-Маккаров»: «Во всем, что касается России и сотрудничества в русских журналах, Золя слушается безусловно своего приятеля и собрата И. С. Тургенева. Он мне прямо и сказал: „Позвольте мне переговорить с моим другом Тургеневым: он так много для меня сделал и продолжает так дружественно относиться ко мне, что я привык ему верить и никакого дела не начинать без его совета во всем, что касается русской литературы и прессы“»⁹. Ознакомление со всеми приведенными выше материалами, выясняющими историю переговоров Э. Золя с издателями и редакторами русских журналов и газет, вполне подтверждает заключение П. Д. Боборыкина. На протяжении семидесяти годов И. С. Тургенев оставался постоянным советчиком французского романиста в его зарубежных сношениях. Вместе с тем, выясняется,

что к середине семидесятых годов у Э. Золя сложился, опять-таки при посредстве Тургенева, определенный круг русских знакомств.

Через Тургенева Золя вошел в письменные сношения с П. Д. Боборыкиным и М. М. Стасюлевичем, — с первым он познакомился лично летом 1878 г., со вторым несколько ранее, в августе 1876 г. В апреле 1876 г. Тургенев познакомил его с М. Е. Салтыковым. Около того же времени Золя связался через Тургенева с А. С. Сувориным, переписка с которым у него возобновилась через несколько лет, а в ходе переговоров об участии в «Новом Времени» встречался с одним из сотрудников этой газеты — В. И. Лихачевым. Часто навещая Тургенева, Золя мог встречаться у него с кружком парижских соотечественников русского романиста. Приведенными ниже документальными данными устанавливается его знакомство с молодым приятелем Тургенева, прототипом Нежданова в «Нови», А. Ф. Онегиным-Отто. Особый интерес представляло бы установление круга знакомств Э. Золя с представителями русской народнической эмиграции в Париже. К сожалению, документальные свидетельства, проясняющие этот вопрос, крайне скудны. В апреле 1876 г. Тургенев привлек Э. Золя к участию в литературно-музыкальном утре в пользу русской библиотеки в Париже. Выступая на нем, Золя не мог не познакомиться с библиотекарями, назначавшимися из эмигрантской среды¹⁰. В декабре 1879 г. Тургенев рекомендовал французскому писателю эмигранта М. О. Ашкинази, прося содействовать помещению его романа о русских террористах «Les victimes du tsar» в парижской газете «Voltaire»¹¹. Осенью 1882 г. Тургенев рекомендовал для Э. Золя в качестве русского переводчика романа «Дамское счастье» И. Я. Павловского, автора напечатанных в газете «Le Temps» очерков «В одиночном заключении. Впечатления нигилиста».

Со смертью Тургенева, в августе 1883 г., связи Э. Золя с русскими деятелями не прервались, но круг его русских знакомств расширился уже значительно медленнее. Если не считать эпизодических встреч, то в восьмидесятых и девяностых годах Э. Золя сошелся только с двумя русскими литераторами — народовольцем Е. П. Семеновым, эмигрировавшим за границу в августе 1882 г., и переводчиком И. Д. Гальпериним-Каминским, совместно с которым вел кампанию за заключение франко-русской литературной конвенции.

II

Деловые и дружественные связи, установившиеся у Э. Золя с середины семидесятых годов с рядом русских деятелей, поддерживались более или менее регулярной перепиской. К сожалению, лишь незначительная часть относящихся к ней документов известна в печати. В двух томах «Писем» Э. Золя, вошедших в состав последнего полного собрания его сочинений, воспроизведено всего 13 писем к четырем русским корреспондентам: И. С. Тургеневу, М. М. Стасюлевичу, И. Д. Гальперину-Каминскому и Е. П. Семенову¹². Вновь обнаруженные материалы позволяют значительно расширить этот список.

Длительную переписку поддерживал Э. Золя с И. С. Тургеневым, хотя общее число писем, которыми они обменялись, не было очень велико, так как большую часть года они жили в одном городе, постоянно встречаясь на еженедельных «обедах пяти». Вполне естественно, что эта переписка прежде всего заинтересовала биографов. Еще в середине девяностых годов И. Д. Гальперин-Каминский получил от Э. Золя связку писем Турге-

нева, опубликовал их со вступительной заметкой и рядом пояснений, основанных отчасти на сообщениях автора «Ругон-Маккаров», в журнале «Cosmopolis» (1897 г., кн. 16 и 17), а в 1901 г. включил их в изданный в Париже эпистолярный сборник «Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français». В этом томике напечатано 55 писем и записок Тургенева к Э. Золя за 1874—1882 гг. В последовательности писем имеются, повидимому, некоторые пробелы, не все документы правильно датированы, но, тем не менее, публикацией Гальперина-Каминского одна часть переписки обоих писателей была представлена с достаточной полнотой. Гораздо хуже обстоит дело с ответными письмами Э. Золя. В первом издании эпистолярного наследия французского писателя («E. Zola, Cor-

ПРОЦЕССЪ ЭМИЛЯ ЗОЛА.

Генераль Пелье дает свои показанія (съ моментальной фотографіи).

ПРОЦЕСС ЗОЛЯ

С фотографии из „Иллюстрированного Приложения“ к „Новому Времени“
от 7 февраля 1898 г.

respondance, Les lettres et les arts») приведено только три его письма к И. С. Тургеневу. Одно, от 29 июня 1874 г., представляет собою ответ на опубликованное Гальпериным-Каминским письмо русского романиста от 5/17 июня 1874 г., из с. Спасского, с предложением сотрудничества в «Вестнике Европы» (речь шла о помещении в журнале в переводе с рукописи романа «Проступок аббата Муре»); два других, от 25 октября и 10 декабря 1882 г., касаются русского издания романа «Дамское счастье» (книга вышла бесплатным приложением к журналу «Будильник» за 1883 г., перевод был сделан, по рекомендации Тургенева, И. Я. Павловским). Эти же три письма, без всяких дополнений, воспроизведены и в томах «Correspondance» последнего «Полного собрания сочинений» Э. Золя.

Профессор А. Мазон обнаружил в архиве Э. Золя и сообщил для публикации в «Литературном Наследстве» три записки И. С. Тургенева, оставшиеся неизвестными Гальперину-Каминскому. Точная дата первой из них устанавливается календарными расчетами (за годы знакомства обоих писателей понедельник приходился на 14 ноября только в 1881 г.), это— краткая пригласительная записка.

Перевод:

Париж, 50, rue de Douai
Понедельник, 14 ноября [1881 г.]

Дорогой друг,

Я тоже, со своей стороны, был бы очень рад повидать вас; не зайдете ли вы завтра, во вторник, часов в пять?

Буду ждать вас.

Тысяча дружеских приветов,
Весь ваш Ив. Тургенев

Во второй записке идет речь о русском издании романа «Дамское счастье». В недошедшем до нас письме конца октября 1882 г. Тургенев сообщал Э. Золя о желании редакции «Будильника» приобрести право перевода очередного тома «Ругон-Маккаров». Золя отвечал 25 октября: «Русское дело мне чрезвычайно понравилось. Я могу заблаговременно предоставить мою рукопись. Однако, необходимо спешить, так как печатание романа начнется в „Gil Blas“ с 10 декабря. Самое лучшее было бы вам тотчас же направить ко мне лицо, о котором вы пишете. Пусть оно сядет на Сен-Лазарском вокзале в двухчасовой поезд и сойдет на станции Виллен, где ему укажут Медан»¹³.

Очевидно, в ближайшие же дни И. Я. Павловский явился к Э. Золя в Медан и вручил ему рекомендательную записку И. С. Тургенева.

Перевод:

(Деп. Сены и Уазы) Буживаль, Les Frênes
Пятница, 27 октября [18]82 г.

Дорогой друг,

Письмо это передаст вам г. Павловский, тот самый, о котором я вчера говорил вам. Вы переговорите с ним о своем деле (издании вашего романа) и вступите в соответствующее соглашение. Этот Павловский—отличный парень, к тому же и литератор,—относиться к нему можно с полным доверием.

Тысяча дружеских приветов,
Преданный вам
Ив. Тургенев

Третий документ, сообщенный профессором А. Мазоном, представляет собою, повидимому, последнее письмо, полученное Э. Золя от тяжело больного И. С. Тургенева за несколько месяцев до его смерти¹⁴. Благодаря находке, сделанной А. Мазоном, удастся также установить адресата и приблизительную дату небольшого письма Э. Золя, сохранившегося в Рукописном отделении Института литературы Академии наук СССР, в собрании А. Ф. Онегина. Вот это письмо:

Перевод:

[Апрель 1883 г.?]

Я только что покинул постель, к которой был прикован в течение двух недель сильным бронхитом. Боясь вас утомить, я не настаиваю сейчас на свидании, но попрошу вас дать мне знать, когда мне можно будет к вам явиться, как-нибудь в послеобеденное время—так, чтобы не слишком вас затруднить.

С чувством любви и преданности к вам
Эмиль Золя

Адресатом этого письма был, по всей вероятности, И. С. Тургенев, а последняя записка его к Э. Золя, набросанная карандашом, представляется ответом именно на это обращение французского писателя.

Перевод:

50, rue de Douai
Суббота [5 апреля 1883 г.?)

Дорогой друг,

Все это время я был так ужасно болен, что не мог поблагодарить вас за присылку вашей книги. Только сегодня мне это по силам: сегодня первый день, что я могу писать. Искренно огорчен тем, что вы хворали. Я тотчас дам вам знать, как только буду в состоянии вести беседу.

Передайте г-же Золя мой дружеский привет. Сердечно жму вам руку.

Весь ваш
Ив. Тургенев

Если предположение о связи обоих документов справедливо, то они взаимно датируются. Нить к установлению даты записки Тургенева дает упоминание о новой книге Э. Золя. Речь идет, конечно, об отдельном издании романа «Дамское счастье», вышедшем в Париже 17 марта 1883 г. (следующий том «Ругон-Маккаров», «Радость жизни», появился уже после смерти Тургенева). Временное облегчение в болезненном состоянии русского писателя наступило в первых числах апреля, когда у него «прорвался какой-то внутренний... нарыв». Возможно, что записка была набросана в субботу 5 апреля н. ст. 1883 г.—этой датой помечено остающееся пока неопубликованным письмо Тургенева к П. В. Анненкову с сообщениями о состоянии здоровья, аналогичными с теми, которыми он делился с Э. Золя. В таком случае, публикуемое письмо Э. Золя датируется тем же 5 апреля 1883 г. или несколькими днями ранее. В связи с этой датировкой разъясняется и вопрос о том, как записка Э. Золя к Тургеневу попала в собрание А. Ф. Онегина: известно, что именно в весенние месяцы 1883 г. он почти безотлучно находился при безнадежно больном русском писателе, ведя его переписку и помогая в подготовке к печати «Полного собрания сочинений».

Вторым корреспондентом, с которым Э. Золя поддерживал длительные и регулярные письменные отношения, был редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич. В полном составе их переписка в печати неизвестна, но большая часть писем Э. Золя опубликована в третьем томе издания «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке» (под редакцией М. К. Лемке, СПб. 1912). Как уже указывалось на страницах «Литературного Наследства» (в обзоре «Эмиль Золя в России», во второй книге журнала за 1932 г.), сорока пятью напечатанными М. К. Лемке документами, хранящимися в настоящее время в составе архива М. М. Стасюлевича в Институте литературы Академии наук, не исчерпывается число полученных редактором русского журнала писем его парижского сотрудника. Два отколовшихся от основного собрания письма Э. Золя к М. М. Стасюлевичу (от 13 июля 1875 г. и 30 марта 1881 г.) были напечатаны в упомянутом обзоре в «Литературном Наследстве» и одно (от 14 февраля 1881 г.) в статье автора этих строк «Эмиль Золя—сотрудник „Вестника Европы“»¹⁵. М. М. Стасюлевич роздал, повидимому, некоторые из имевшихся у него писем популярного романиста любителям автографов,—этим и объясняется

ПРОЦЕСС ЗОЛЯ

С рисунка из „Иллюстрированного Приложения“
к „Новому Времени“ от 7 февраля 1898 г.

Э. Золя. Перре, Воганъ,
ред. газ. «Ангоре». изд. «Ангоре».

ПРОЦЕССЪ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

Его адвокатъ Лабори обращается къ
присяжнымъ.

распыление фонда. В Рукописном отделении Института литературы Академии наук СССР удалось обнаружить еще одну записку Э. Золя к М. М. Стасюлевичу, не попавшую в печать.

Перевод:

Медан, 13 мая 1880 г.

Дорогой редактор,

Я пошлю вам в этом месяце статью о Салоне живописи, но смерть Гюстава Флобера на меня так подействовала, что, боюсь, я не буду в состоянии доставить вам полностью всю рукопись к условленному сроку— 20 числу. Во всяком случае, пошлю готовые уже страницы, а конец отправлю вслед за ними одним или двумя днями позднее.

С сердечным приветом

Эмиль Золя

Будьте добры передать общему нашему другу Тургеневу письмо, которое я к нему направляю по вашему адресу и той же почтой, как и настоящее.

Корреспонденция Э. Золя о Парижском салоне появилась в июньской книжке «Вестника Европы» 1880 г.: «Художество и администрация художеств. По поводу парижской выставки 1880 года» (эта корреспонденция, наряду с некоторыми другими «Парижскими письмами», не вошла в собрание сочинений писателя и известна только в русском тексте). На смерть Г. Флобера (ум. в Круассе, 8 мая 1880 г.) Э. Золя отозвался в июльской книжке «Вестника Европы» большой статьей «Флобер, как писатель и человек». Пересланное через М. М. Стасюлевича письмо И. С. Тургеневу (очевидно, сообщение о смерти их общего друга, автора «Мадам Бовари») —

в печати неизвестно, но Гальпериным-Каминским был опубликован ответ русского романиста от 11/23 мая 1880 г. из с. Спасского.

Переписка Э. Золя с И. С. Тургеневым и М. М. Стасюлевичем охватывает вторую половину семидесятых и начало восьмидесятых годов—десятилетие начальных успехов и упорной борьбы писателя за литературное признание. В девяностых годах, в пору мировой известности романиста, выступившего пламенным трибуном буржуазной демократии на процессе Дрейфуса, он поддерживал более или менее регулярную переписку с двумя русскими корреспондентами—И. Д. Гальпериным-Каминским и Е. П. Семеновым. В архивных хранилищах СССР удалось обнаружить ряд документов, характеризующих отношения Э. Золя к последнему адресату.

Самое раннее письмо Э. Золя к Е. П. Семенову помечено 27 ноября 1896 г.,—в нем французский писатель в вполне официальном, хотя несколько патетическом тоне поощряет своего корреспондента к переводу книги д-ра Тулуза *«Enquête médico-psychologique. Emile Zola»* (Париж, 1896).

«Вы сообщаете, что переводите на русский язык книгу доктора Тулуза, и спрашиваете мое мнение об ее издании в России. Я восхищен этим. Прошло уже много лет, как добрый Тургенев, мой близкий друг, связал меня с русским, — ныне нашим братским народом. Я знаю, у вас охотно читают мои книги и немного любят меня. Поэтому я хочу, чтобы у вас стало известно все, что может разъяснить истину относительно меня. Обо мне распространяют столько отвратительных легенд, что я только выиграю от полной, обнаженной истины»¹⁶.

Связь, установившаяся между Э. Золя и Е. П. Семеновым на почве деловых литературных отношений, приняла с течением времени дружеский характер,—об этом свидетельствует впервые публикуемое ниже письмо, проникнутое задушевным тоном, редко прорывающимся у автора «Земли»

ПРОЦЕСС ЗОЛЯ

С рисунка из „Иллюстрированного Приложения“ к „Новому Времени“ от 7 февраля 1898 г.

ЭМИЛЬ ЗОЛА в ожидании приговора.

и «Человека-зверя». Письмо написано в дни изгнания Э. Золя, когда он, привлеченный в связи с выступлениями по делу Дрейфуса к ответственности по обвинению в оскорблении должностных лиц, был присужден заочно к году тюремного заключения и 3 000 фр. штрафа и скрывался под именем доктора Паскаля в Англии, сперва в Лондоне, а затем в поместье одного из своих английских почитателей.

Перевод:

Воскресенье, 18 декабря [18]98 г.

Дорогой г. Семенов, дорогой собрат и друг, я очень тронут вашим хорошим письмом, которое дошло до меня, как крик надежды и избавления. Но увы! Если победа и представляется сейчас несомненной, то не похоже, чтобы она скоро была провозглашена. А до тех пор я хочу быть, как мертвый. Прошу вас поэтому никому не показывать этих строк, храня их про себя, ибо, пока во Франции не существует справедливости,—не существую и я.

Как благодарен я вам за добрые пожелания, дошедшие до меня в моем изгнании в последние дни этого ужасающего года. Они проникли мне в сердце, и в ответ на них я выражаю вам, вместе с благодарностью, полное сочувствие той честной борьбе за справедливость, в которой и вы лично так храбро участвуете.

Эмиль Золя¹⁷

Следующая группа писем касается сотрудничества Э. Золя в благотворительном сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (СПБ. 1901), кучастию в котором французского писателя привлек Е. П. Семенов. Золя предложил напечатать в сборнике перевод своей статьи «В защиту евреев», опубликованной первоначально в парижской газете «Figaro» и воспроизведенной затем в книге публицистических очерков «Nouvelle Campagne» (1897 г.). О желании принять участие в издании Золя извещал редактора О. Б. Гольдовского специальным письмом.

Перевод:

Медан, 14 сентября 1900 г.

Милостивый государь г. Гольдовский,

Боюсь, что я очень запоздал с исполнением данного мною вам обещания. Но я пишу моему издателю, чтобы он тотчас же отправил к вам сборник моих статей «Nouvelle Campagne», в котором вы найдете несколько написанных мною некогда страниц о евреях,—и я с большим удовольствием разрешаю вам их перепечатать в книге, о которой вы мне сообщали.

Издание это, которое будет продаваться в пользу евреев юга России, так сильно пострадавших от голода, является прекрасным и трогательным примером человеческой солидарности,—большим и добрым делом. Я благодарен вам, что вы привлекли меня к участию в нем. Если мы стремимся облегчить человеческое страдание и осуществить, наконец, царство мира, то пусть руки людей протянутся от одного края земли к другому, чтобы соединиться в братском рукопожатии.

Сердечно ваш

Эмиль Золя¹⁸

Это письмо, явным образом рассчитанное на опубликование (отсюда его декларативный характер), было факсимильно, но с удалением фами-

лии адресата Гольдовского, воспроизведено в сборнике «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая», и перепечатано с ошибочным заголовком письма к Е. Семенову в эпистолярном сборнике Э. Золя «Les lettres et les arts», а отсюда оно перешло, с тем же неверным заголовком, во второй том писем последнего «Полного собрания сочинений» писателя. О том, что оно было адресовано не Е. П. Семенову, а какому-то другому корреспонденту, можно было догадаться по официальному тону обращения, а то, что оно было направлено редактору благотворительного сборника, выясняется из публикуемого ниже нового письма Э. Золя к Е. П. Семенову.

Перевод:

Париж, 14 октября 1900 г.

Дорогой собрат,

Простите за такое опоздание с ответом. Я откладывал его до своего возвращения в город; к тому же моя жена только что уехала в Италию, что внесло в наш дом некоторый беспорядок.

Желание вашего друга мной исполнено: я переслал ему препроводительное письмо для приложения к тем нескольким страницам, которые он собирается перепечатать из книги «Nouvelle Campagne». Я даже успел уже получить от него благодарственное письмо.

Хотя жена и отсутствует, меня можно попрежнему застать дома вечером по четвергам, и если вы захотите повидаться, думается, вам лучше всего прийти как-нибудь в четверг.

Прошу вас напомнить обо мне дружественному вниманию г-жи Семеновой и всех ваших и верить моей сердечной преданности.

Эмиль Золя¹⁹

Почти через год Золя извещал Е. П. Семенова о получении экземпляра сборника «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая».

Перевод:

Медан, 24 сентября 1901 г.

Дорогой Семенов,

Простите, что я с таким опозданием отвечаю на ваше последнее письмо. Я был очень обременен работой и несколько поддался лени.

Я действительно получил прекрасную книгу, которую по вашему указанию мне послали, и нашел в ней факсимиле моего письма. Рад, что мог оказать услугу вам и вашим русским друзьям. Что касается моей поездки во Франкфурт на первое представление «Мессидора», то мы об этом еще поговорим. В возможности этой поездки я, однако, сильно сомневаюсь по многим причинам, о которых вам сообщу.

Мы вернемся в Париж в будущий понедельник, и в следующую же пятницу жена моя уедет в Италию. Все же мы будем дома вечером в четверг, 1 октября, и жена будет рада видеть и пожать вам руку, если вы в этот вечер свободны.

Передайте наш дружеский привет г-же Семеновой, а также всем вашим, и примите уверения в любви и преданности.

Эмиль Золя²⁰

Сохранились еще две дружеские записки Э. Золя к Е. П. Семенову.

Перевод:

Медан, 3 июля 1901 г.

Дорогой Семенов, самое простое было бы вам прийти позавтракать с нами в воскресенье. Мы садимся за стол только в час дня. Но если вы в воскресенье заняты, то вы можете к нам прийти лишь в среду, так как ни в понедельник, ни во вторник меня дома не будет.

Я не читал статьи в «Revue des Revues». Впрочем, мы обо всем этом побеседуем лично.

Прошу напомнить о нас дружескому вниманию г-жи Семеновой.

Дружески расположенный к вам и всем вашим

Эмиль Золя

Не откажитесь написать мне сейчас о дне, когда вы придете²¹.

Перевод:

Париж, 17 февраля 1902 г.

Дорогой Семенов, я в отчаянии: нам было бы так приятно доставить вам удовольствие. Но у жены моей такой грипп, что ей нельзя выходить из дому, а я в среду обедаю у Журденов, и при одной мысли о том, чтобы в тот же день еще и позавтракать в городе, я прихожу в ужас. Я от этого наверное заболел бы на следующий день.

Почему бы вам не зайти ко мне вдвоём с г. Брандесом, повидаться с которым я был бы очень рад. Если вы согласны, то я буду ждать вас обоих в среду в два часа, и у нас будет время побеседовать.

Передайте г-же Семеновой наши извинения и приветствия и верьте моей дружбе и преданности.

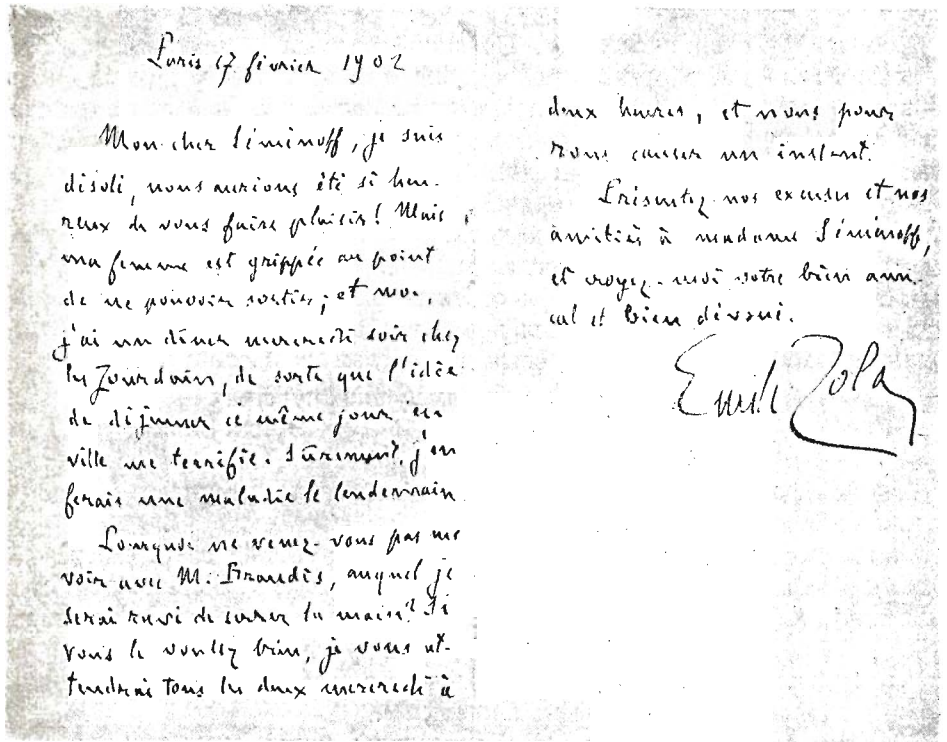
Эмиль Золя²²

В статье Е. Семенова «Эмиль Золя в России» (литературные прибавления к газете «Indépendance Belge» от 26 октября 1902 г.) приводится обращение романиста к русскому студенчеству по поводу демонстрации 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге. По рассказу Е. Семенова, студенческий комитет, организованный в Париже и собиравший подписи к протесту-декларации французской интеллигенции, обратился к автору «Ругон-Маккаров». Приняв с обычной благосклонностью делегацию и наведя справки о том, что творилось в Петербурге, Москве, Киеве и др. городах, Э. Золя, по сообщению Е. Семенова, прислал в комитет следующее, предназначенное для печати письмо:

«События, происходящие в России, возмущают мировую совесть. Все свободомыслящие сочувствуют русской молодежи, известной своим трудолюбием и стремлением к правде и свободе, молодежи, которую деспотическое правительство желает запереть в загоне, как стадо скота. Но не являются ли эти ужасные события, это героическое выступление и отвратительные репрессии неизбежными фазами исторической эволюции? Не должны ли мы поэтому, громко выражая наше негодование, что с мыслью обращаются, как с рабой, хлещут ее кнутом, вместе с тем радоваться внезапному порыву бури, который ускоряет наступление революции в одной из последних оставшихся великих империй? Думается, самодержавие получает удар, последствия которого, быть может, окажутся решительными. Поэтому, заявляя о братском сочувствии к русскому студенчеству, я заявляю также о своей радости при виде славной борьбы, которую оно ведет за освобождение человечества».

Точность текста этого документа может, однако, вызвать некоторые сомнения. Семенов, эмигрировавший во Францию только в 1882 г., приводит письмо, повидимому, по позднейшей, может быть, мало авторитетной копии.—По его рассказу, подлинник письма, посланный в Россию через какую-то поэтессу для Литературного фонда, был захвачен полицией при обыске, не дошел до адресатов и погиб.

В цитированной статье Е. Семенова приводится со слов Э. Золя любопытное сообщение о том, что в прочувствованной сцене предсмертного свидания Жордана с Люком в романе «Труд» (книга 3, гл. V) воспроизве-

АВТОГРАФ ПИСЬМА ЗОЛЯ К Е. П. СЕМЕНОВУ ОТ 17 ФЕВРАЛЯ 1902 г.

Частное собрание, Москва

дены подробности прощания И. С. Тургенева с Л. Виардо. «Когда умирающего Тургенева выносили со второго этажа дома № 50 на rue de Douai, чтобы перевезти в Буживаль, его старый друг Виардо, также умиравший, попросил вынести его в кресле на площадку лестницы первого этажа. Так состоялось последнее свидание старых друзей». Однако, и в этот рассказ вкрались какие-то неточности: Тургенева привезли из Парижа в Буживаль не до, а через несколько дней после смерти Л. Виардо.

III

Круг эпизодических, случайных русских корреспондентов Э. Золя был довольно широк и разнообразен. Издатели и редакторы русских журналов и газет обращались к Э. Золя с предложениями сотрудничества или с просьбами о разрешении перевода с рукописи очередного тома «Ругон-Мак-

каров»; туристы из числа литераторов или близких к литературе лиц, приезжая в Париж, добивались знакомства и свидания с ним; экспансивные почитатели писателя выражали ему свои восторги или выпрашивали фотографические карточки и автографы. Как авторитетного, пользовавшегося мировой известностью романиста, Э. Золя приглашали к участию в юбилейных празднествах и литературных торжествах.

Вот письмо Э. Золя к В. Жаклару, сотрудничавшему в петербургской газете «Новости»:

Перевод:

Медан, 14 октября 1884 г.

Милостивый государь,

Молодой русский писатель г. Полоцкий передал мне, что вы желаете договориться со мною относительно перевода моего нового романа «Жерминаль» с тем, чтобы он печатался вами на несколько дней ранее появления во Франции. Разрешая начать публикацию на шесть или семь дней раньше «Gil Blas», я даю вам двенадцать дней выигрыша, так как необходимо учитывать еще пять дней, которые идет почта от нас к вам. Мне кажется, этими двенадцатью днями вполне обеспечивается ваше первенство. С другой стороны, согласны ли вы на названную мною сумму в тысячу рублей? Будьте добры ответить мне с ближайшей почтой или даже по телеграфу, чтобы я имел время послать первые уже вполне отделанные главы. Получив ваше согласие, я сдам их на почту.

Примите уверение в моих лучших чувствах

Эмиль Золя

В Медан, через Виллен (Сена и Уаза).

Само собою разумеется, что тысяча рублей подлежит уплате по получении вами первых глав²³.

По какой-то причине соглашение с редакцией русской газеты о переводе романа «Жерминаль» не состоялось. Известно письмо Э. Золя к М. М. Стасюлевичу от 26 октября 1884 г. с предложением приобрести права перевода романа для «Вестника Европы». Форсируя переговоры, Золя сопровождал письмо посылкою корректуры первых глав своего произведения, но и в этом журнале перевод не появился²⁴.

Неудача с переводом романа «Жерминаль» внесла известную горечь в отношения писателя с русскими издателями. Чувство досады сквозит во втором письме Э. Золя к В. Жаклару, предложившему ему сотрудничество в петербургской газете «Новости».

Перевод:

Медан, 29 ноября [18]84 г.

Милостивый государь,

Я совершенно отказался от журналистики, чтобы засесть за свои романы, и отказываюсь от предложений о сотрудничестве. Не могу поэтому согласиться и на ваше любезное предложение.

Что касается России, то я хотел бы только одного—получать от моих романов доход, который обычно у меня бесстыдно крадут. Я вполне понимаю опасения, которые внушает «Новостям» «Жерминаль». Но можете быть уверены, что боязнь цензуры не мешает украсть у меня «Жерминаль» которой-нибудь из русских газет.

Примите, милостивый государь, уверение в моих лучших чувствах

Эмиль Золя²⁵

Повидимому, о сотрудничестве в каком-то русском издании идет также речь в нижеследующей записке, адресата которой установить не удалось:

Перевод:

Париж, 5 декабря [18]92 г.

Увы, милостивый государь, ничего неизданного я вам послать не могу, так как нездоров и обременен работой. Но я вам разрешаю выбрать по своему усмотрению любое из моих опубликованных произведений, а среди них найдутся и мало кому известные.

Прошу верить моей сердечной преданности.

Эмиль Золя²⁶

Небольшая записка к П. Д. Боборькину, с которым Э. Золя время от времени обменивался письмами, свидетельствует о внимании, которым пользовался французский писатель в России. Е. П. Леткова-Султанова, передавшая публикуемый ниже документ в Государственный литературный музей в Москве, вспоминает, что в 1897 г. в газетах промелькнуло известие о приезде в Петербург Э. Золя. По просьбе Е. П. Летковой П. Д. Боборькин обратился к автору «Ругон-Маккаров» с предложением прочесть лекцию в пользу Литературного фонда. Вот ответ Э. Золя:

Перевод:

Париж, 18 апреля [18]97 г.

Дорогой собрат, все это совершенное недоразумение. В Россию я, к сожалению, не еду, а если бы поехал, то, при полном отсутствии у меня дара слова, уж наверное не для того, чтобы читать там лекции.

Сохраняя лучшие воспоминания о вас, остаюсь сердечно преданный вам собрат ваш

Эмиль Золя

Тремя годами позднее Золя получил приглашение к участию в юбилее П. Д. Боборькина, заочное знакомство с которым у него завязалось еще в конце 1875 или начале 1876 г. Писатель ответил письмом на адрес юбилейного комитета.

Перевод:

Париж, 5 ноября 1900 г.

С Боборькиным я знаком давно и хорошо знаю, какой это превосходный работник и каким множеством прекрасных произведений он одарил Россию.

Но я страшный невежда, по-русски не читаю и не могу судить о нем и высказывать свое суждение. Я ограничиваюсь поэтому братским приветом, который шлю великому романисту Боборькину и его родине России, умеющей так достойно чествовать своих славных сынов.

Эмиль Золя²⁷

Э. Золя привлекался к чествованию русских писателей (помимо пришествия к юбилею П. Д. Боборькина, известно его письмо на имя Литературного фонда по случаю пушкинских торжеств 1899 г.). Сам он обращался к русской литературной общечественности, когда организовывались чествования писателей-французов. Вскоре после смерти Мопассана Золя, состоявший в это время председателем «Société des gens de lettres», обратился с официальным письмом к А. С. Суворину.

Перевод:

Париж, 22 июля 1893 г.

Милостивый государь,

Комитет общества писателей, открывая подписку на памятник Ги де Мопассану, имеет честь обратиться к вам с предложением лично принять в ней участие.

Комитет выражает надежду на ваше согласие почтить этим память одного из тех, кто в наше время так много сделал для славы французской литературы, и просит принять изъявление чувства благодарности и глубокого уважения к вам.

Председатель комитета

Эмиль Золя²⁸

Среди корреспондентов Э. Золя имеется еще один русский адресат, переписка с которым не затрагивает, однако, русских отношений автора «Рюгон-Маккаров». Это—ex-профессор физиологии и реакционный публицист И. Ф. Цион. В 1874 г. он был принужден, вследствие столкновений со студентами, прекратить преподавание в Медико-хирургической академии и переселился в Париж, где, между прочим, редактировал в восьмидесятых годах газету «Gaulois». Ряд писем Э. Золя к И. Ф. Циону, касающихся публикации в фельетонах «Gaulois» романа «Накипь», уже давно напечатан; одно, до сих пор неизвестное, хранится в Рукописном отделении Института литературы Академии наук СССР. Речь в нем идет об угрозе перерыва в публикации романа, которую создавал ряд процессов, возбужденных против Э. Золя и редакции «Gaulois» однофамильцами персонажей «Накипи».

Перевод:

4 февраля [18]82 г.

Милостивый государь,

Произвести сокращения в объеме фельетонов очень трудно. Всего лучше было бы пропустить два-три фельетона, в чем, впрочем, также есть своя опасность. К тому же, будьте уверены, если нам предстоит быть осужденными, то нам этому не помешать никакой осторожностью. В главе, которую вы мне прислали, нет ничего настолько резкого, что бы могло вызвать осуждение; по крайней мере, таково мое мнение.

Всем сердцем ваш

Эмиль Золя

Вот уже два дня, как я получаю «Gaulois» с опозданием. Сегодня я не получил газеты еще до настоящей минуты, когда я пишу это письмо. Справьтесь, не зависит ли это от вашей экспедиции. На почту я напишу.

В заключение этой главы следует привести несколько записок Э. Золя, адресатов которых точно установить не удалось. Первая из них сохранилась в собрании А. Ф. Онегина в Рукописном отделении Института литературы Академии наук СССР. С А. Ф. Онегиным французский писатель был, вероятно, лично знаком, но к нему ли обращена записка, остается неизвестным, так как неизвестны подробности их отношений. С другой стороны, А. Ф. Онегин собирал автографы, и именно в качестве автографа документ мог попасть в его собрание. Предположение, что записка назначалась И. С. Тургеневу, исключается датой: март 1879 г. Тургенев провел в Москве и Петербурге.

ЭМИЛЬ ЗОЛЯ

Фотография с дарственной надписью
 Золя А. М. Фельдштейн
 (Хин-Гольтовской)

Литературный музей, Москва

Перевод:

15 марта 1879 г.

Вот именно, дорогой мой, поправляйтесь же скорее, чтобы я мог повидаться с вами. Я проведу за городом понедельник, вторник и среду, чтобы уйти от пасхальных празднеств, но потом буду ждать от вас знака и явлюсь к вам.

Любящий вас

Эмиль Золя

Кому-то из русских литераторов, постоянно проживавшему в Париже и близкому в свое время к И. С. Тургеневу (может быть, И. Я. Павловскому), адресована записка с назначением свидания Д. В. Григоровичу.

Перевод:

Медан, 1 июня [18]86 г.

Беда в том, дорогой собрат, что я уже поселился здесь, и г. Григоровичу придется сделать небольшую, но скучную поездку. Впрочем, если это его не пугает, дорогу вы знаете, и вам известно также, что я всегда рад видеть у себя вас, равно и всех друзей Тургенева, которым хоть сколько-нибудь нравится то, что я пишу.

Сердечно ваш

Эмиль Золя²⁹

Редактору одного из иллюстрированных изданий Золя писал, посылая свою фотографию и автограф:

Перевод:

Париж, 2 марта [18]84 г.

Имею честь, согласно вашей просьбе, послать вам несколько строк с моею подписью в качестве сопровождения к моему портрету.

Примите, милостивый государь, уверение в лучших моих чувствах.

Эмиль Золя³⁰

IV

Специально следует остановиться на небольшой группе писем Э. Золя, относящихся к одному эпизоду франко-русских отношений, представляющему особый интерес.

В октябре 1893 г. в Париже состоялась внушительная политическая демонстрация, так называемые «русские празднества» — торжественная встреча и чествование моряков русской эскадры, пришедшей с визитом в Тулон. Научная и литературная общественность приняла в празднествах непосредственное участие, а русские и французские журналисты широко освещали их в печати.

Одним из заключительных звеньев в цепи непрерывно следовавших встреч, приемов и раутов был обед, данный в Париже русскими журналистами в честь французской печати. Инициаторами банкета были редактор «Нового Времени» А. С. Суворин, издатель «Недели» П. А. Гайдебуров, редактор «Света» В. В. Комаров, сотрудники «Новостей» и «Русского Вестника» Е. де Роберти и С. С. Татищев. Приглашения были разосланы, как сообщали газетные отчеты, всем членам Французской академии, 27 издателям парижских газет — участниц комитета печати по устройству франко-русских празднеств, всем журналистам, состоявшим членами этого комитета, ряду выдающихся деятелей литературы, науки и искусства, из русских — всем «чинам» посольства и генерального консульства и находившимся в Париже русским литераторам и художникам. Почетным президентом был приглашен Л. Пастёр, а председателями избраны М. де Вогюэ и А. С. Суворин.

Часть приглашенных не могла явиться и прислала устроителям письменные приветствия. Не присутствовал на банкете по болезни Пастёр, письмо которого, адресованное Е. де Роберти, было оглашено на банкете.

Перевод:

Институт Пастёра
25, Rue Dutot

Париж, 26 октября 1893 г.

Милостивый государь,

Как я извиняюсь и как сожалею! Я с такою радостью обещал быть с вами, но не принял при этом во внимание формальное запрещение врачей. Они подвергают меня подчас жестоким лишениям. Я совершенно удручен горем, которое они мне сегодня причинили излишней заботливостью. На этом собрании русских и французских писателей и журналистов мне так бы хотелось следить за обменом ваших мыслей. Мне хотелось бы рукоплескать словам, которые будут сказаны о заслугах М. де Вогюэ в сближении обоих великих народов.

Русским и французским писателям надлежит и в будущем напоминать в известные моменты об этих светлых днях.

Среди энтузиазма толпы они возбудили в сердцах молодежи взрыв радости и веры, а старцам, как я, подали большие надежды на будущее.

Вернувшись в Россию, скажите вашим соотечественникам, что Франция показала вам что-то, что выше всяких зрелищ, что превосходит всякие речи: она показала вам свою душу.

Л. Пастёр³¹

На имя А. С. Суворина прислал записочку А. Додэ.

Перевод:

Любезный Суворин, я был бы счастлив пожать вам руку и выпить с вами за здоровье нашего великого Толстого, но я болен и не могу обедать вне дома. Передайте выражение моего сожаления нашим друзьям русской литературы и печати.

Ж. Экар писал из Тулона М. де Вогюэ.

Перевод:

Передайте вашим товарищам, уважаемый председатель, мое искреннее сожаление и скажите им, что я—один из наиболее страстных поклонников глубокой русской литературы, столь горячо вами прославленной. Спасибо вам и спасибо русской душе, которая пришла к нам сперва в книге, а теперь пришла морем и наполняет наши проникнутые ею души дыханием возрождающейся любви.

Из Вильбуа - Лавалетта прислал письмо Поль Дерулед, принужденный незадолго перед тем сложить с себя полномочия депутата.

Перевод:

Я уже сказал Комарову, как я был тронут приглашением, дошедшим до меня в моем уединении в Шаранте. Хочу повторить это и вам. Вспоминаю постоянно о добром и прекрасном вечере в Клину и был бы, уверяю вас, очень счастлив сидеть около вас посреди моих собратьев русской литературы и печати. Но в настоящую минуту место мое в тени и в молчании. Я его не покину. Главное то, чтобы первое пожелание наших сердец и первая цель наших многократных усилий были достигнуты, и они достигнуты. Остальное было бы лишь личным удовлетворением, которое ничего бы не изменило и не прибавило бы в удивительных совершившихся событиях. Но еще раз сердечное спасибо за то, что вы не забыли меня, и горячее пожатие руки.

К участию в банкете, в числе почетных гостей, был привлечен и Э. Золя, а один из председателей М. де Вогюэ предупредил его о необходимости подготовиться к выступлению. Золя живо откликнулся на инициативу русских журналистов. Он писал А. С. Суворину:

Перевод:

Я глубоко тронут вашим крайне любезным приглашением и с величайшим удовольствием буду вашим гостем³².

Другой запиской он оповещал М. де Вогюэ.

Перевод:

[Париж, октябрь 1893 г.]

Дорогой собрат, я скажу, раз вы этого хотите, несколько слов, и даже признаюсь вам, что, в сущности, рад этому случаю расплатиться, наконец, с Россией, которой давно обязан благодарностью.

Примите, дорогой собрат, уверение в сердечной преданности.

Эмиль Золя³³

Банкет состоялся 26 октября н. ст. в Hôtel Continental в присутствии 128 приглашенных. Большую вступительную речь на нем сказал М. де Вогюз. Провозглашали тосты и говорили речи А. С. Суворин, С. С. Та-тищев, В. В. Комаров, Каниве, Леруа-Болье, Жюль Симон, редактор «Le Temps» Эблар. Золя выступил с небольшим приветственным словом.

Перевод:

Милостивые государи,

От имени Société des gens de lettres, представителем которого я здесь являюсь, провозглашаю тост за русскую печать, за русскую литературу, и это для меня великая честь и большая радость.

Веяния ума не знают границ. Посланцами мира и предвестниками прочных союзов служат произведения великих писателей, которыми обмениваются народы. Справедливо было замечено, что нынешний братский поцелуй между Россией и Францией был подготовлен годами взаимной литературной симпатии.

Французская литература отправила в качестве послов Бальзака и Гюго, а русская литература ответила на это присылкою своих—Тургенева, Достоевского, Толстого. Они трогали сердца, сближали умы; поэтому и литература имеет право на участие в этих празднествах, ибо она первая потрудилась над делом братства двух стран. Делу этому, господа, следует даже придать больший размах. Выше союза между двумя народами стоит союз между всеми народами. Это, пожалуй, мечта, но отчего же не мечтать об этом? Отчего не надеяться, что в этом-то и заключается ныне стремление добрых чувств человека, и отчего не поручить выполнение этого дела писателям, мощный голос которых перелетает от одной нации к другой, находя отклик во всех сердцах и сплачивая все страждущее человечество в одну семью?

Итак, я пью за русскую литературу, за русскую печать, самую симпатичную, самую гостеприимную для французских писателей. А так как я лично был принят и ободрен ею в трудные минуты моей жизни, когда мое собственное отечество обошлось со мною сурово, то я счастлив; что могу здесь отплатить старый долг.

Пью за всемирную литературу, за общее отечество³⁴.

Крупнейшие французские и русские газеты напечатали подробные отчеты о банкете, воспроизведя все произнесенные на нем речи, в том числе и речь Э. Золя, однако, она так и осталась погребенной на газетных страницах, не попав не только в «Собрание сочинений», но и в подробные библиографические списки его произведений.

Во время пребывания русских журналистов в Париже, в октябре 1893 г., Золя встречался с некоторыми из них, повидимому, неоднократно, — об этом свидетельствует ряд его записок к Е. В. де Роберти и А. С. Суворину. Редактору «Нового Времени» Золя писал перед его отъездом из Парижа:

Перевод:

Париж, 2 ноября [18]93 г.

Дорогой собрат,

Мне также очень хотелось повидаться с вами до вашего отъезда. Но я никак не мог быть сегодня в отеле Вандом.

Статью Кератри я прочел и отложил ее. Наведя кое-какие справки, решу, должен ли я лично что-нибудь предпринять. А затем, если это понадобится, напишу вам, чтобы держать вас в курсе дела.

Я сохраняю добрую память о нашей встрече и о наших беседах и шлю вам уверения в сердечной привязанности и преданности.

Эмиль Золя³⁵

С Е. В. де Роберти Золя обменялся несколькими записками. Одна из них касается издания отдельной брошюрой отчета о банкете журналистов³⁶.

Перевод:

Париж, 12 ноября [18]93 г.

Дорогой собрат,

Я был очень болен и не мог вам ответить. Прошу извинить меня.

Само собою разумеется, что я охотно даю разрешение, о котором вы меня просите; мне будет очень приятно и лестно фигурировать в этой брошюре. Те несколько слов, которые я сказал, вы найдете в номере «Journal des Débats», в котором целиком воспроизведена речь М. де Вогюэ. Текст приведен здесь полностью и точно.

Сердечно ваш

Эмиль Золя³⁷

BANQUET FRANCO-RUSSE DU 26 OCTOBRE 1893.

DISCOURS

PRONONCÉS

PAR MM.

E.-Melchior de Vogüé, de l'Académie française,
Tatistcheff, Souvorine, E. de Roberty, Bonnat, de l'Institut,
Émile Zola, Anatole Leroy-Beaulieu, de l'Institut,
Komaroff, R. Canivet,
A. Hébrard et Jules Simon, de l'Académie française.

BANQUET OFFERT PAR LES REPRÉSENTANTS
DE LA LITTÉRATURE ET DE LA PRESSE Russes,
AUX SAVANTS, LITTÉRATEURS, ARTISTES ET
JOURNALISTES FRANÇAIS.

PARIS

ARMAND COLIN ET Cie, ÉDITEURS

Libraires de la Société des Gens de lettres
5, RUE DE MÉZIERES, 5

1893

Tous droits réservés.

ОТЧЕТ О ФРАНКО-РУССКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ БАНКЕТЕ В ПАРИЖЕ
26 ОКТЯБРЯ 1893 г.

К декабрю 1893 г. относятся две записочки Э. Золя к Е. В. де Роберти, набросанные без даты на визитных карточках.

Перевод:

Примите мой привет и большое сожаление, что меня не оказалось дома.

Эмиль Золя

Перевод:

Примите мою горячую благодарность, дорогой собрат: я только что перечел в «Le Temps» ваше письмо и нахожу его безупречным.

Сердечно Ваш

Эмиль Золя⁸³

v

В 1893 г. ряд французских литературных обществ и издательских объединений поручил И. Д. Гальперину-Каминскому войти в переговоры с петербургскими и московскими издателями и литераторами по вопросу о заключении литературной конвенции между Францией и Россией. Газетная кампания, которую предполагалось развернуть на столбцах русских изданий, должна была преодолеть инерцию петербургских официальных кругов, упорно сопротивлявшихся присоединению России к уже существовавшим международным соглашениям. В числе организаций, давших полномочия Гальперину-Каминскому, не значилось парижское Société des gens de lettres, но председатель его Э. Золя отнесся с большим сочувствием к дипломатической миссии, порученной русскому переводчику и журналисту. Известно напутственное письмо Э. Золя к Гальперину-Каминскому, отправлявшемуся в Россию.

Перевод:

Париж, 10 сентября 1893 г.

Дорогой собрат,

Вы сообщаете мне об отъезде в С.-Петербург для возобновления хлопот о литературной конвенции, заключения которой между Россией и Францией мы так давно жаждем.

Было бы бесполезно повторять вам мои пламенные пожелания удачи. Нельзя, в самом деле, не пожалеть, что это соглашение взаимной симпатии и порядочности не установилось еще между двумя нациями, все более и более сближающимися в силу многочисленных общих интересов.

Отправляйтесь же и заявите во всеуслышание, что мы все за вас, что мы все желаем, чтобы русская печать вас поддержала и добилась бы, наконец, признания литературной собственности в обеих странах. Это было бы прекрасным братским и культурным делом⁸³.

В конце того же 1893 г. в номере «Le Temps» от 24 декабря Э. Золя опубликовал «Открытое письмо к русской печати», воспроизведенное в крупнейших русских газетах.

Перевод:

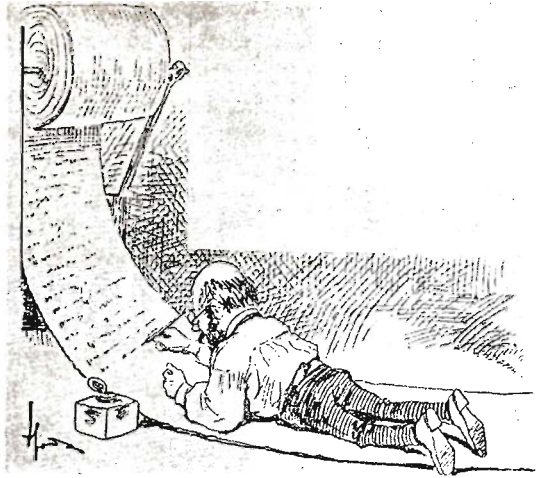
Господа издатели!

Давно уже идет речь о заключении литературной конвенции между Россией и Францией, и я, в качестве президента Société des gens de lettres, позволяю себе обратиться к вам, так как я достоверно узнал, что при

РУССКАЯ КАРИКАТУРА НА ЗОЛЯ

„Золя печатает во французских газетах свое воззвание к русской печати об установлении литературной конвенции“

„Стрекоза“, 1894 г., № 4

нынешних обстоятельствах успешное заключение этого международного договора зависит от благоприятного отзыва, который соблаговолит дать о нем русская печать. Это именно я и желаю прежде всего установить в немногих словах.

Касаться здесь истории этого вопроса я не буду. Придется забегать слишком далеко, приводить сложные подробности всякого рода, и притом без всякой непосредственной пользы. Единственный эпизод, заслуживающий напоминания, это поездка, которую совершил за счет нашего Cercle de la librairie г. де Кератри. Я полагаю, что он повез с собою тоже письма, делающие из него доверенного наших Société des gens de lettres и Société des auteurs et compositeurs dramatiques. Сверх того, у него было прошение, покрытое подписями, для вручения русскому правительству. И теперь удивляются, что, несмотря на такие благоприятные условия, миссия его потерпела полную неудачу. Это, понятно, нас обескуражило, притом до такой степени, что мы не решались до сих пор сделать новой попытки.

Но если я напал на мысль обратиться к вам, то потому лишь, что некоторые из вас, во время празднеств, дававшихся городом Парижем вашим морякам, объяснили мне причину неудачи г. де Кератри. Последний, по их словам, с весьма похвальными, конечно, намерениями, обращался исключительно к правительственным лицам. Многие из них дали ему, как говорят, обещания, которых они потом не сдержали. Но хуже всего, повидимому, то, что он пренебрег посетить издателей вообще и издателей газет, словом, главных заинтересованных, и расположить их в пользу своего дела, вследствие чего, как только вопрос был возбужден гласно, в прессе возникла сильная оппозиция. Русское правительство, парализованное этою оппозициею, так определенно высказанною, отказывается вступать в новые переговоры до тех пор, пока положение не изменится. Словом, ваше правительство вполне благоразумно говорит: «Мы, государственные власти, не желаем иметь собственного суждения по этому предмету; нам будет очень приятно заключить литературную конвенцию с Францией, которая является дружественной нам державой, но мы сделаем это не иначе, как на основании формального желания заинтересованных русских подданных, русской книжной торговли и русской прессы».

Повторяю: ничего не может быть более благоразумного, и по этой именно причине я и решился, милостивые государи, обратиться к вам, так как убежден в том, что подписание литературной конвенции недолго заставит ждать себя, если вашим газетам угодно будет требовать этого для чести и общих интересов обеих наций. Я, впрочем, признаюсь, что не выпустил этого письма на-авось; я уже беседовал об этом предмете со многими из вас и полагаю, что он уже созрел для благополучного разрешения. С другой стороны, г. Гальперин-Каминский, много потрудившийся над делом сердечного согласия, сказал мне, что во время его поездки в Петербург прошлую зиму он имел возможность констатировать благоприятные намерения не только среди русских авторов, но и среди самих издателей, враждебно относившихся до тех пор к идее какой бы то ни было конвенции. И он находится в очень хороших условиях для получения точных сведений, потому что он уже много лет переводит романистов обоих языков. Существует, следовательно, бесспорное движение в пользу соглашения и какова будет моя радость, если окажется, что я ломлюсь в открытые двери.

Если, однако, потребовалось бы изложить вам, милостивые государи, еще другие веские причины для того, чтобы убедить вас в выгоде подписания конвенции для обоих народов, то мне пришлось бы сказать еще многое. И прежде всего и выше всего стоит принцип честности и справедливости, по которому литературная собственность есть собственность. Это признается ныне всеми народами, отрицать этот принцип—значит посягать на универсальную совесть. У нас существуют договоры с соседними нациями, которые нас мало любят. И разве не печально для нас, что именно нация, с которой мы только что обменялись столь крепким братским поцелуем, нация, в которой мы чаем любящую сестру, есть единственная великая нация в Европе, которая живет поодаль от современного права, вне всякого кодекса? Теперь, когда сердца наши бились в унисон, следовало бы, мне кажется, итти тоже бок-о-бок во всем в области справедливости. Но я знаю, что это исключительно сентиментальная сторона вопроса и что недурно, ради торжества справедливости, чтобы оно стало необходимым, вследствие здраво понимаемых интересов обеих сторон.

Да, милостивые государи, я могу вам с полным спокойствием заявить, что очевидно, что отныне Россия не меньше Франции заинтересована в заключении литературной конвенции. Лет десять, пятнадцать тому назад господствовало мнение, что в литературном отношении вы гораздо больше жили Франциею, чем Франция вами, вследствие чего расчетливые умы и находили, что обложение пошлиною продукта, который выписывается, но не вывозится, было бы глупостью. Дело, однако же, в том, что времена эти прошли, и не только ваши великие, но даже самые скромные романисты ныне переводятся и наводняют рынок. Тут есть взаимность, которая идет исключительно в вашу честь, и если правда, что наши романы, наши драматические произведения привозятся к вам в еще большем количестве, то неужели вы думаете, что достаточно переводить их, печатать и исполнять даром, для того, чтобы извлекать из них действительные барыши? Это, бесспорно, первобытный взгляд, который слабеет и рассеивается, как только его подвергают более точному анализу.

Что происходит в действительности? Ваш литературный рынок загромождается массами переводов французских романов. Коль скоро никакого разрешения не требуется, коль скоро никаких пошлин платить не

ИЛЛЮСТРАЦИИ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ КНИГИ А. БАРБЮСА „ЗОЛЯ“
Автофотографии В. Милашевского, 1932 г.

Обед в ресторане Трапа 13 апреля 1877 г., устроенный в честь Флобера,
Эд. де Гонкура и Золя писателями: О. Мирбо, Мопассаном, Гонсмансом и др.

Писатели на воскресном собрании у Золя в Медане, 1880-е гг. Среди
гостей: Гонсманс, Ги де Мопассан, Поль Алексис.

надо, любой издатель волен выпускать в продажу свой собственный перевод. Прошу извинения, что цитирую свое собственное сочинение, но хорошо знаешь лишь те случаи, которые вас непосредственно касаются. Мне известно, например, что в России появились одновременно, конкурируя между собою, четырнадцать изданий «Débâcle». Как только в Париже выходил фельетон романа, переводчики поспешно его переводили и отсылали с вечернею почтою. Начать с того, что переводы эти, сделанные на скорую руку, были просто ужасны и недостойны литературной нации; затем интерес так раздроблялся, что ни одна газета не извлекала пользы из этого, и, наконец, происходило нечто вроде кулачества, очень убыточного для национальных произведений. Вообразите, напротив, что французские произведения пользуются охранительными правами. Тотчас все изменяется, «Débâcle» уступается одной только газете, одному только книжному магазину, который заботится о том, чтобы перевод сделан был тщательно, и ведет дело так, чтобы иметь хорошие барыши. Главное то, что тогда в течение двух или трех месяцев русские газеты не будут заполнены французскими романами в ущерб русским.

Г-н Суворин говорил мне недавно, что он боится что-либо издавать, вследствие загромождения витрин ваших книжных магазинов переводными романами. Прилив все усиливается, причем, как кажется, не всегда выбор оказывается счастливым; дело дошло до того, что переводят самые посредственные произведения. Так как автору ничего не приходится платить, то издатели все-таки надеются кое-что выручить из продажи издания. Это ведет к падению цен, которое прямо отражается на ваших писателях, потому что они больше всех страдают от таких порядков. Борьба с колоссальным французским, немецким и английским производством им не по силам. Если завтра международная конвенция сократила бы этот беспорядочный привоз или, по крайней мере, упорядочила бы его, пропуская лишь замечательные произведения, тщательно переведенные, то ваши авторы стали бы производить книги выше средней стоимости, чем ныне, и продавались бы они в большем количестве экземпляров. Мне говорили, например, что один русский композитор с трудом находит в Петербурге издателя, потому что произведения французских композиторов, и Гуно в особенности, продаются там так дешево, что никакая конкуренция немыслима.

Мне известно, что можно на это возразить, но это не защитительная речь по всем правилам искусства, имеющая претензию сломить всякое сопротивление. Я позволю себе только наметить в общих чертах интерес, который представляет для обеих сторон подписание конвенции. Вначале некоторые частные интересы от этого, пожалуй, пострадают. Так, мне говорили, что содержание некоторых ваших театров сопряжено с такими большими расходами, что оплачивать еще авторские права было бы для них просто разорением. Мне объяснили тоже, что в России существует множество очень дешевых журналов, пробавляющихся исключительно воспроизведением чужих трудов, и что эти журналы вряд ли могли бы существовать, если б не имели в своем распоряжении неиссякаемый и безвозмездный источник иностранного производства. Наконец, у вас, как кажется, и самые национальные авторы не пользуются особенною охраною, т. е. что петербургские французские и немецкие газеты могли бы воспроизводить их труды без всякой платы, и вашему законодательству следовало бы, быть может, установить принцип литературной собственности внутри

государства, прежде чем признать его в области ваших обменов с заграницею.

Но это второстепенные вопросы, которые вы решите между собою, а что первенствует в настоящую минуту, так это, повторяю, обоюдный, явный и непреложный интерес для обеих наций завершить свое доброе согласие заключением литературной конвенции. Если правительство ваше благо-разумно ступает и, прежде чем действовать, желает узнать в точности пожелания общественного мнения, необходимо, чтобы последнее немедленно высказалось. Когда народ скажет свое слово, дипломаты исполнят свое дело, и я имею основание думать, что если они терпеливо ждут, то потому, что надеются иметь когда-нибудь на своей стороне общественное мнение.

Итак, господа издатели, я прошу вас поставить во всех газетах на очередь вопрос о заключении международной конвенции с Францией. Пусть она будет изучена, обсуждена и, как я не боюсь надеяться, горячо поддержана, ибо все справедливое и хорошее в конце концов торжествует. Вы—голос правды, вы—заинтересованная сторона, вы и издатели. Вам стоит лишь собраться и громогласно указать, где общий интерес с точки зрения справедливости, для того чтобы вас услышали и удовлетворили. Я уверен, что в этом отношении вы безусловные хозяева положения и что то, что русская пресса захочет, захочет и Россия.

Простите призыв этот простому писателю, с которым вы часто обращались, как с другом, и соблаговолите видеть во мне, милостивые государи, вашего сердечного и вполне преданного собрата.

Эмиль Золя⁴⁰

4 июня 1908 г., через шесть лет после смерти Э. Золя, состоялось перенесение праха писателя в Пантеон. Автор «Ругон-Маккаров», тщетно добивавшийся при жизни избрания в чинную Французскую академию, был, наконец, признан классическим писателем, его литературная слава—национальной славой Франции. Торжество официального признания писателя не могло, разумеется, замкнуться в национальных рамках,— оно вызвало живейшие отклики во всем мире. Присоединилась к нему и русская литературная общественность. С. А. Венгеров, временно замещавший председателя Литературного фонда, послал к 4 июня телеграмму вдове романиста Александрине Золя и получил от нее в конце месяца ответное письмо, обращенное к русским писателям.

Перевод:

21 июня 1908 г.

Милостивый государь,

Меня бесконечно растрогала полученная от вас телеграмма по поводу состоявшегося 4 июня грандиозного национального чествования бесценной памяти моего возлюбленного мужа; я узнала из вашей телеграммы, что петербургское «Общество писателей» присоединилось к этой прекрасной и торжественной манифестации.

Обращаюсь, господин председатель, при вашем посредстве к вашему комитету и прошу передать от меня выражение горячей благодарности за прекрасную мысль присоединиться в этом случае к Франции. Прошу и лично вас принять от меня благодарность и уверение в истинном уважении.

Александрина Эмиль Золя

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Черновик доверенности, писанный рукою И. С. Тургенева, сохранился в архиве Э. Золя и сообщен профессором А. Мазоном. Впервые опубликован И. Д. Гальпериным-Каминским в издании: «Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français», P., 1901, p. 203.

² «Реальный роман во Франции» (три публичных чтения П. Д. Боборыкина), «Отечественные Записки», 1876, кн. 7, стр. 64—66. Письмо воспроизведено в обзоре «Эмиль Золя в России». — «Литературное Наследство», 1932, кн. 2, стр. 236—237.

³ Автограф письма В. В. Стасова к И. С. Тургеневу хранится в Рукоп. отд. Института литературы Академии наук СССР в Ленинграде. Ответ на него Тургенева см. «Северный Вестник», 1888, кн. 10, стр. 173.

⁴ Воспроизводится впервые по автографу Рукописного отделения Института литературы Академии наук СССР.

⁵ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», ред. М. К. Лемке, т. III, СПб. 1912, стр. 74.

⁶ Сводку имеющих в печати материалов о переговорах редакции «Отечественных Записок» с Э. Золя см.: М. К. К л е м а н, Эмиль Золя, Л., 1934, стр. 286—289.

⁷ «Первое собрание писем И. С. Тургенева», СПб. 1884, стр. 289—290.

⁸ Там же, стр. 300.

⁹ Б о б о р ы к и н П., У романистов (парижские впечатления). — «Слово», 1878, кн. 11, стр. 27 (2-й пагинации).

¹⁰ О выступлении Э. Золя на литературно-музыкальном утре 12 апреля 1876 г., повлекшем за собою специальное объяснение И. С. Тургенева с русской печатью, см. в комментариях к его «Письму к издателю» 1876 г. — И. С. Т у р г е н е в, Сочинения, т. XII, Л., 1933, стр. 657—659.

¹¹ См. воспоминания М. О. А ш к и н а з и. — «Минувшие Годы», 1908, кн. 8, стр. 43—44.

¹² «Euvres complètes d'Emile Zola». Notes et commentaires de Maurice Le Blond, «Correspondance», tt. I et II, P., 1929.

¹³ «Euvres complètes d'Emile Zola», «Correspondance» (1872—1902), p. 588.

¹⁴ В письме от 23 мая 1897 г. Гальперин-Каминский запрашивал Э. Золя о полноте переданного им для публикации собрания писем Тургенева и напоминал об оставшейся неразысканной записке, «набросанной карандашом», которую русский романист послал своему французскому собрату «незадолго до своей смерти».

¹⁵ См. М. К. К л е м а н, Эмиль Золя, Л., 1934, стр. 300.

¹⁶ «Euvres complètes d'Emile Zola», «Correspondance» (1872—1902), p. 789. Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова в Ленинграде. При письме конверт с адресом: «Monsieur Eugène Sémenoff. 10 Cité Condorcet. Paris».

¹⁷ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова в Ленинграде. В архиве Э. Золя сохранилось письмо к нему Е. П. Семенова, ответом на которое является публикуемый документ.

Париж, rue Clapeyron 9
12 декабря 1898 г.

Дорогой и любимый учитель,

Не знаю, доходил ли до вас последнее время мой верный вам голос. Надеюсь, что да. Я слышал, что дивная и добрая г-жа... [фамилия не поддается прочтению] вернулась, и пользуюсь этим, чтобы сказать вам, как я рад поздравить вас с продвижением Истины, которую вы с такой силой направили в путь. Дело Рейнака, если оно состоится, обнаружит с еще большей очевидностью, как глубоки были ваши пророчества и какой целительной была ваша деятельность для Франции. И не самым малозначительным результатом вашей деятельности было то, что вы, к чести вашей страны, обнаружили столько характеров (Пикар, Лабори и др.) и столько реабилитировали. Сам я никогда не любил Трарье, Гюйо, Рейнака (хотя я и еврей по происхождению, но атеист), все же то обстоятельство, что они пошли за вами, позволяет забыть многое в их прошлой политической карьере: вы их реабилитировали.

Я сам, следуя вашим ясным мыслям, трудился по мере моих слабых сил и скромного положения в защиту Справедливости и Истины, и мне хочется в конце этого трудного и волнующего года, завершающегося для вас в изгнании, поблагодарить вас еще раз и выразить твердую надежду, что вы скоро возвратитесь к своим, под рукоплескания признательного Парижа и Франции, как вам уже сейчас рукоплещет весь культурный мир.

Всегда преданный и верный ваш друг и почитатель

Е. Семенов

¹⁸ «Œuvres complètes d'Emile Zola», «Correspondance» (1872—1902), p. 866. Автограф письма хранится в Государственном литературном музее в Москве.

¹⁹ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова в Ленинграде. Адрес: «Suisse. Monsieur Séménoff. Kuranstalt Schoenfels. Schoenfels-zur-Zug».

²⁰ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова в Ленинграде. Адрес: «Monsieur E. Séménoff. 52, Avenue de Neuilly. Neuilly-sur-Seine».

²¹ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова в Ленинграде. На конверте адрес: «Monsieur E. Séménoff. 52, Avenue de Neuilly. Neuilly (Seine)». Помимо автографов шести писем Э. Золя к Е. П. Семенову в Государственной публичной библиотеке в Ленинграде хранятся не принадлежащие к ним два конверта. Первый с адресом: «Monsieur Séménoff. 52, Avenue de Neuilly. Neuilly-sur-Seine» и почтовым штемпелем: «Paris. 29 nov. [19]00», второй с адресом: «Suisse, Monsieur Séménoff. Kuranstalt Schoenfels. Schoenfels-zur-Zug» и почтовым штемпелем: «Paris. 31 août [19]00». Письма с соответствующими датами неизвестны. Статья в «Revue des Revues» — заметка Н. d'Almeras, Les débuts inconnus d'Emile Zola — в 12-й книжке журнала от 15 июня 1901 г. (стр. 614—618).

²² Автограф письма хранится в частном собрании в Москве. На конверте адрес: «Monsieur Séménoff. 16, Avenue Péreire. (Seine) Asnières».

²³ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Института литературы Академии наук СССР. Адресат, которым, судя по содержанию письма, должен был быть кто-то из доверенных сотрудников одной из русских газет, устанавливается из сопоставления с письмом к Жаклару от 29 ноября 1884 г.

²⁴ См. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», ред. М. К. Лемке, СПб. 1912, стр. 629—630.

²⁵ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина. На конверте адрес: «Russie. Monsieur V. Jaclard, à la rédaction du journal N o v o s t i . 90 Moika. Saint-Pétersbourg».

²⁶ Автограф письма хранится в Государственном литературном музее в Москве.

²⁷ Автограф письма хранится в Институте литературы Академии наук СССР.

²⁸ Автограф письма хранится в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в Москве (архив А. С. Суворина). Письмо набросано на бланке со штампом: «Société des gens de lettres, reconnue comme Etablissement d'Utilité publique. 47, Rue de la Chaussée d'Antin. Délégué du Comité Edouard Montagne».

²⁹ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Всесоюзной библиотеки им. Ленина в Москве.

³⁰ Автограф письма хранится в Государственном литературном музее. Никаких приложений к письму в архиве не сохранилось.

³¹ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Института литературы Академии наук СССР.

³² Письма А. Додэ, Ж. Экара, П. Деруледа и записка Э. Золя к А. С. Суворину, местонахождение автографов которых неизвестно, перепечатываются из отчета о франко-русском банкете в № 6340 «Нового Времени» от 22 октября 1893 г.

³³ Впервые опубликовано в русском переводе в № 6340 «Нового Времени» от 22 октября 1893 г. Автограф хранится в Государственном литературном музее в Москве. Адрес: «Monsieur E. M. de Vogüé, 15, rue Lascases».

³⁴ Речь Э. Золя воспроизводится по тексту в отчете о банкете «Banquet franco-russe du 26 octobre 1893», Paris, 1893, pp. 39—41.

³⁵ Автограф письма хранится в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в Москве (архив А. С. Суворина).

³⁶ Отчет вышел из печати в Париже в первых числах декабря: «Banquet franco-russe du 26 octobre 1893. Discours prononcés par M. M. E.-Melchior de Vogüé, de l'Académie française, Tatistcheff, Souvorine, E. de Roberty, Bonnat, de l'Institut, Emile Zola, Anatole Leroy-Beaulieu, de l'Institut, Komaroff, R. Canivet, A. Hébrard et Jules Simon, de l'Académie française. Banquet offert par les représentants de la littérature et de la presse russe, aux savants, littérateurs, artistes et journalistes français. Paris, Arman Colin et Cie, éditeurs, libraires de la Société des gens de lettres, 1893».

³⁷ Автограф письма хранится в Рукоп. отд. Института литературы Академии наук СССР. Здесь же сохранилось письмо М. де Вогюз к Е. В. де Роберти, касающееся просмотра корректуры и редактирования отчета о франко-русском банкете.

Вторник, 21 января [1893 г.]

Дорогой собрат,

Я был принужден возвратить вам сегодня ваш конверт, даже не раскрыв его. Вы знаете, может быть, о жестокой борьбе, которую я веду. В течение нескольких дней у меня не было ни одной свободной минуты; сегодня утром ваш посланец застал меня за работой над докладом в комиссии, куда меня вызвали двумя часами позднее. Все же мне хочется поблагодарить вас и извиниться перед вами. Я уверен, что вы — прекрасный редактор и нет необходимости в моих советах. Когда преследующая меня шайка даст мне передышку, я с удовольствием прочитаю эти страницы, — они напомнят мне лучшие минуты.

Еще раз извините меня и верьте моей преданности. Е. М. де Вогюэ

³⁸ К обеим запискам Э. Золя к Е. В. де Роберти, автографы которых хранятся в Рукоп. отд. Института литературы Академии наук СССР, сохранились конверты. На первом из них адрес: «Monsieur E. de Roberty, 6 rue de Commaille. Paris» и почтовый штемпель «12 déc. 93». На втором: «Monsieur Eugène de Roberty, 6 rue de Commaille» и штемпель «27 déc. 93». Во второй из публикуемых записок речь идет о напечатанном в последних числах декабря 1893 г. в газете «Le Temps» открытом письме Е. В. де Роберти к Э. Золя, защищавшим французского романиста от нападков Кератри (обиженный несколькими относящимися к нему строками в «Открытом письме к русской печати» Э. Золя, Кератри выступал с резкими возражениями в той же газете «Le Temps»). Перепечатку письма де Роберти см. «Новости» 1893, № 349 от 19 декабря. ³⁹ «Œuvres complètes d'Emile Zola», «Correspondance» (1872—1902), p. 760.

⁴⁰ Открытое письмо Э. Золя к русской печати воспроизводится по русскому тексту, напечатанному в № 6394 «Нового Времени» от 15 декабря 1893 г. Письмо Э. Золя, не приведшее ни к каким реальным результатам, широко обсуждалось в русской печати. Сводку разнообразных мнений и аргументаций см. в брошюре: И. Д. Гальперин-Каминский, Общая польза авторского права, СПб. 1894.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

1. ПИСЬМА ЗОЛЯ НЕ СВЯЗАННЫЕ С ЕГО РУССКИМИ ОТНОШЕНИЯМИ. II. АВТОГРАФЫ ПИСЕМ ЗОЛЯ В СОБРАНИЯХ СССР.

1. ПИСЬМА ЗОЛЯ

В рукописных хранилищах СССР удалось обнаружить автографы шести писем Э. Золя, не относящихся непосредственно к теме напечатанного выше обзора и потому в него не включенных, но представляющих некоторый интерес для биографии французского писателя. Приводим эти документы в переводе, располагая их в порядке хронологии.

1. [Неизвестному]

Медан, 11 мая 1879 г.

Милостивый государь,

Я прочел ваше письмо, но мне трудно вам ответить, так как это пришлось бы сделать слишком пространно. Мне хочется все-таки сказать вам, что я очень польщен похвалами, которые вы высказываете мне как писателю. Уверяю вас, однако, что вы коренным образом ошибаетесь относительно моих тактических и теоретических стремлений. У нас с вами, кажется, имеются общие друзья — расспросите их. Что касается моих сочинений, — они в вашем распоряжении.

Примите, милостивый государь, уверение в моих лучших чувствах.

Эмиль Золя

Автограф. — Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Из собраний Театрального музея им. Бахрушина.

2. [Неизвестной]

Медан, 9 июля [18]79 г.

Сударыня,

Я собираюсь зайти к вам в пятницу после полудня узнать, приготовили ли вы все, о чем я просил. Мне хотелось бы взять у вас все шпалеры.

Примите, сударыня, мой усердный поклон.

Эмиль Золя

Автограф. — Институт истории АН СССР, Ленинград. Фонд быв. Института книги, документа и письма.

3. [Неизвестному]

Медан, 27 августа [18]87 г.

Благодарю вас, дорогой собрат, за юношеское ваше литературное сочувствие. Посланные вами стихи очень любопытны. Но у меня нет ни малейшего желания читать лекции; прибавлю, что одному рискованному месту в моем романе придадут значительность, которой в нем нет.

Весь ваш
Эмиль Золя

Автограф.—Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Из собраний Театрального музея им. Бахрушина.

4. Г-ну Бабоне

Медан, 6 августа [18]89 г.

Милостивый государь,

Итак, условлено, что вы сделаете за 170 фр. свинцовую оправу для большой двери при входе и что мы с вами договоримся относительно снятия стекол, которые там находятся теперь. Впрочем, подождите моего приезда с этой работой. Жена моя желает, чтобы железные рамы в этих дверях были сохранены и чтобы их можно было открывать. Итак, примите соответствующие меры.

Если я снизил цену за импост вестибюля с 75 фр. до 50 фр., так это потому, что я исключил левое панно, оцененное, как четвертая часть поверхности, значит 18 фр. долой, что дает 57 фр., и я скинул еще 7 фр. за ту поверхность, которую займет панно с тремя ангелами. Все совершенно правильно. Поразмыслите, и вы увидите, что моя цена 50 фр., согласно вашим собственным данным, совершенно достаточна.

Сохраните железные стержни в виде Т между двумя панно в столовой. Они действительно нужны и дадут устойчивость. Итак, вы можете закончить эти три окна. Условлено, что четыре старинных панно с гербами и четыре гризайли будут для правого и левого окон и что в среднее окно вы вставите маленькое швейцарское панно, для которого я поищу pendant с двумя головами в венках (у вас есть только одна, вы мне обещали найти вторую в таком же стиле). Условлено также, что вы переделаете два панно с гербами в соответствии с теми, что я выслал вам из Медана, для пополнения шести, необходимых для импостов.

Итак, мы договорились относительно входа, вестибюля, столовой и спальни. В столовой и в спальне все панно с открывающимися створками, за исключением импостов. Остаются окно на лестнице и окно в туалетной комнате, набросков которых я жду.

Ваш Эмиль Золя

Адрес: Monsieur Baboneau

13, Rue des Abbesses (Monmartre)

Автограф.—Архив Государственного Эрмитажа, Ленинград. Текст письма сообщен О. И. Бич.

5. Альберту Вольфу

Париж, 9 апреля [18]91 г.

Если вам, дорогой Вольф, не надоело, любя меня, на меня нападать, то и мне не надоело верить, что ваши нападки исходят из добрых намерений.

В прежнее время я грешил тем, что жил, как дикарь, теперь моя ошибка в том, что я цивилизуюсь. Впоследствии вы, быть может, увидите, что я был прав в обоих случаях.

Все же сердечно ваш
Эмиль Золя⁴⁵

Автограф.—Институт литературы АН СССР, Ленинград. Архив Н. Я. Маркова.

6. [Неизвестному]

Париж, 29 марта 1898 г.

Дорогой собрат,

К несчастью, у меня нет ни одной моей фотографии. Но у Надара вы можете достать два недавно сделанных с меня снимка в профиль. Они наверное вас удовлетворят.

Я даю вам все мыслимые авторские разрешения. Я стою за неограниченную свободу во всем. Благодарю вас за любезную присылку вашей книги, которая очень хорошо и беспристрастно составлена и долго сохранит свое значение, как интереснейший документ.

Сердечно ваш

Эмиль Золя

Автограф.—Литературный музей, Москва. № 3392/16.

II. АВТОГРАФЫ Э. ЗОЛЯ В СОБРАНИЯХ СССР

Знаком «*» отмечены автографы, впервые публикуемые в настоящей работе.

А. ПИСЬМА

- 1.* **Б а б о н о (Vaboneau)**—Медан, 6 августа 1889 г.
Эрмитаж, Ленинград. Книга сдаточных описей № 91/20. См. выше: Приложения, стр. 977.
- 2.* **Б о б о р ы к и н у П. Д.**—Париж, 18 апреля 1897 г.
Литературный музей, Москва. № 2518/3. См. выше: стр. 961.
- 3.* **Е м у ж е**—Париж, 5 ноября 1900 г. Адресовано юбилейному комитету по чествованию П. Д. Боборыкина.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив П. Д. Боборыкина. См. выше: стр. 961.
4. **В а л л е с у (Vallès)**—Париж, 24 декабря 1876 г.
Литературный музей, Москва. № 4255/2. Опубликовано: „Литературный критик“, 1935, кн. 3, стр. 230.
5. **Е м у ж е**—Париж, 2 апреля 1877 г.
Литературный музей, Москва. № 4255/2. Опубликовано: „Литературный критик“, 1935, кн. 3, стр. 230.
6. **Е м у ж е**—Париж, 21 мая 1877 г.
Литературный музей, Москва. № 4255/2. Не опубликовано (?).
7. **В о г ю э (Vogüé) Мельхиору де**—[Париж, октябрь 1893 г.].
Литературный музей, Москва. № 1280/1. Опубликовано: „Новое Время“ 1893, № 6340 от 22 октября. См. также выше: стр. 966.
- 8.* **В о л ь ф у (Wolff) Альберту**—Париж, 9 апреля 1891 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собрание Б. Л. Модзалевского. См. выше: Приложения, стр. 978.
9. **[Г о л ь д о в с к о м у О. Б.]**—Медан, 14 сентября 1900 г.
Литературный музей, Москва. Архив Р. М. Хин. № 2430/18. Воспроизведено фототипически в сборнике „Помощь евреям, пострадавшим от неурожая“, СПб. 1901, с ошибочным заголовком письма к Е. П. Семенову. Перепечатано в издании: „Œuvres complètes d'Emile Zola“. „Correspondance“ (1872—1902)*, р. 866. Ср. также выше: стр. 956.
- 10.* **[Ж а к л а р у (Jaclard) Виктору]**—Медан, 14 октября 1884 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собрание П. Н. Любимова. См. выше: стр. 960.
- 11.* **Е м у ж е**—Медан, 29 ноября 1884 г.
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Архив Ф. М. Достоевского, папка XX, № 31. См. выше: стр. 960.
12. **К у п е р н и к у Л. А.**—Руаян, 16 сентября 1886 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. № 13952/LXXVI б. Опубликовано: „Литературное Наследство“, 1932, кн. 2, стр. 239—240.
13. **[Л и п г а р д т у Э. К.]**—Медан, 25 октября 1884 г.
Публичная библиотека, Ленинград. Собрание П. Вакселя, № 257. Опубликовано: „Литературное Наследство“, 1932, кн. 2, стр. 240.
- 14.* **[Н е и з в е с т н о й]**—Медан, 9 июля 1879 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собрание Н. П. Лихачева. См. выше: Приложения, стр. 977.
- 15.* **[Н е и з в е с т н о м у]**—Медан, 11 мая 1879 г.
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Из собрания Театрального музея им. Бахрушина, 8228, № 28. См. выше: Приложения, стр. 977.
- 16.* **[Н е и з в е с т н о м у]**—Париж, 2 марта 1884 г.
Литературный музей, Москва. № 1268/96. См. выше: стр. 964.

- 17.* [Неизвестному]—Медан, 1 июня 1886 г.
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Из собрания Театрального музея им. Бахрушина, 8228, № 29. См. выше: стр. 963.
- 18.* [Неизвестному]—Медан, 27 августа 1887 г.
Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва. Из собрания Театрального музея им. Бахрушина, 8228, № 30. См. выше: Приложения, стр. 977.
- 19.* [Неизвестному]—Париж, 5 декабря 1892 г.
Литературный музей, Москва. № 1268/96. См. выше: стр. 961.
- 20.* [Неизвестному]—Париж, 29 марта 1898 г.
Литературный музей, Москва. Архив б. Павловского дворца, № 3244/16. См. выше: Приложения, стр. 978.
21. Ньевенгуйсу (Niewenhuis) Домело—Париж, 25 января 1898 г.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина, Москва. Опубликовано: „Литературное Наследство“, 1932, кн. 2, стр. 240.
- 22.* [Онегину А. Ф.?]—15 марта 1879 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив А. Ф. Онегина, № 28914/ССVI 6 68. См. выше: стр. 963.
- 23.* Роберти Е. В. де—Париж, 12 ноября 1893 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Отд. поступления. Иностранные автографы. См. выше: стр. 967.
- 24.* Е му ж е—[Париж, 12 декабря 1893 г.]
Там же. См. выше: стр. 968.
- 25.* Е му ж е—[Париж, 27 декабря 1893 г.]
Там же. См. выше: стр. 968.
26. Семенову Е. П.—27 ноября 1896 г.
Публичная библиотека, Ленинград. Книга поступлений № 147. Опубликовано: „Œuvres complètes d'Emile Zola“. „Correspondance“ (1872—1902), p. 783.
- 27.* Е му ж е—18 декабря 1898 г.
Там же. См. выше: стр. 956.
- 28.* Е му ж е—Париж, 14 октября 1900 г.
Там же. См. выше: стр. 957.
- 29.* Е му ж е—Медан, 3 июля 1901 г.
Там же. См. выше: стр. 958.
30. Е му ж е—6 августа 1901 г.
Там же. Опубликовано: „Œuvres complètes d'Emile Zola“. „Correspondance“ (1872—1902), p. 882.
- 31.* Е му ж е—Медан, 24 сентября 1901 г.
Там же. См. выше: стр. 957.
- 32.* Е му ж е—Париж, 17 февраля 1902 г.
Собрание И. С. Зильберштейна, Москва. См. выше: стр. 958.
- 33—77. Стасюлевичу М. М.—45 писем 1875—1889 гг.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив М. М. Стасюлевича. Опубликовано: „М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под редакцией М. К. Лемке“, СПб. 1912, т. III, стр. 594—631 (два письма напечатаны здесь с ошибками в датах: № 19 вм. 30 дек. 1876 след. 20 дек., № 33 вм. 16 мая 1878 след. 14 мая). Три письма (от 8 сент. 1875, 13 окт. 1875 и 21 ноября 1876 г.) перепечатаны в издании „Œuvres complètes d'Emile Zola“. „Correspondance“ (1872—1902), pp. 434, 438, 457.
78. Е му ж е—13 июля 1875 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собрание Е. Ляцкого, 3523/XVIII б 61. Опубликовано: „Литературное Наследство“, 1932, кн. 2, стр. 245.
- 79.* Е му ж е—Медан, 13 мая 1880 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив К. К. Арсеньева, № 618. См. выше: стр. 954.
80. [Е му ж е]—14 февраля 1881 г.
Публичная библиотека, Ленинград. Собрание писем к А. Н. Пыпину. Опубликовано: М. К. Клеман, Э. Золя. Сборник статей. Л., 1934, стр. 300.
81. Е му ж е—30 марта 1891 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собрание Е. Ляцкого, 3523/XVIII б 61. Опубликовано: „Литературное Наследство“, 1932, кн. 2, стр. 246—247.

- 82.* Суворину А. С.—Париж, 22 июля 1893 г.
Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ), Москва. Фонд 151, папка иностранной переписки (письма к А. С. Суворину). См. выше: стр. 962.
- 83.* Е м у ж е—Париж, 2 ноября 1893 г.
Там же. См. выше: стр. 967.
- 84.* [Тургеневу И. С.]—[Париж, 5 апреля 1883 г.]
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив А. Ф. Онегина, № 28914/ССVI6 68. См. выше: стр. 952.
- 85.* [Циону И. Ф.]—4 февраля 1882 г.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Собрание П. Н. Любимова. См. выше: стр. 962.

Б. РАЗНОЕ

86. Запись на отдельном листе—отрывок из «Жерминаль». Без даты.
Литературный музей, Москва. Альбом О. И. Фельдмана, 511 л., 74 об.
- 87.* Дарственная надпись Р. М. Фельдштейн на фотографической карточке.
Литературный музей, Москва. Архив Р. М. Хин. По книге поступлений № 2430/24. Воспроизведение см. выше: стр. 963.
88. Визитная карточка Э. Золя с карандашными пометками. Без даты.
Литературный музей, Москва. Архив Р. М. Хин. № 2430/10.
89. Черновик посвячительных записей И. С. Тургеневу—А. Гревилля, Ж. Экара и Э. Золя.
Институт литературы Академии наук СССР (ИЛИ), Ленинград. Архив А. Ф. Онегина.
- 90—91. Два конверта с адресами Е. П. Семенова и почтовыми штемпелями «Paris 31 Août [19]00» и «Paris 29 Nov. [19]00».
Публичная библиотека, Ленинград. По книге поступлений № 147. Письма отсутствуют. См. выше: Примечания, стр. 975.

В. НЕРАЗЫСКАННЫЕ АВТОГРАФЫ ПИСЕМ

92. А ш е т т у (Hachette)—книгоиздателю—27 февраля 1865 г.
Значилось под № 256 в быв. собрании П. Вакселя, хранящемся в настоящее время в Публичной библиотеке, Ленинград.
93. Б о б о р ы к и н у П. Д. —(начало 1876 г.).
Опубликовано: „Отечественные Записки“, 1876, кн. 7, стр. 64—66 (перепечатка—„Литературное Наследство“, 1932, кн. 2, стр. 236—237).
94. Г в а л ь т и е р и (Gualtieri) Пеццано—Медан, 5 августа 1879 г.
Опубликовано: „Правда“, 1880, № 22 от 24 января (перепечатка—„Литературное Наследство“, 1932, кн. 2, стр. 240).
95. Суворину А. С.—[октябрь 1893 г.]
Опубликовано: „Новое Время“, 1893, № 6340 от 22 октября. См. также выше: стр. 966.

Помимо перечисленных, в архивах СССР и Франции должны были сохраниться еще письма Золя к следующим русским корреспондентам: М. О. Ашкинази, Ф. П. Баймакову, П. Д. Боборыкину, И. Д. Гальперину-Каминскому, И. Я. Павловскому, М. Е. Салтыкову, Е. П. Семенову, М. М. Стасюлевичу (не менее 30 номеров), А. С. Суворину, И. С. Тургеневу, И. Ф. Циону, А. Н. Энгельгардту.

В «Correspondance» (1872—1902) Золя, сверх отмеченных в нашей описи, напечатаны письма к следующим русским корреспондентам: И. Д. Гальперину-Каминскому (23/VI—91, 10/IX—93, 25/II—97—733, 760, 789), Литературному фонду (7/VI—99—843), И. С. Тургеневу (29/VI—74, 25/X—82, 10/XII—82,—417, 588, 589), И. Ф. Циону (29/I—82, 9/II—82, 14/II—82, 17/II—82, 21/II—82,—568, 574, 580, 581, 582). Автографы этих писем хранятся во Франции.